

Елена Логунова

Коктейль из Развесистой Клюквы

Новая
звезда
Иронического
детектива

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена Логунова
Коктейль из
развесистой клюквы
Серия «Елена и Ирка», книга 8

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181414
Коктейль из развесистой клюквы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26723-1*

Аннотация

Ох, не зря женщины не жалуют длиннохвостых грызунов!
Соседская декоративная крыса Лолита втравила Елену в... историю с убийствами! Первым погиб хозяин Лолиты – Алик Дыркин. Мало того что Елена нашла его труп, так она еще вынуждена по приказу своего телевизионного начальства освещать криминальную историю в новостях. К трагедии причастен воротила местного шоу-бизнеса по прозвищу Носорог. Сама-то Лена предпочла бы держаться в стороне от расследования, тем более что на этом категорически настаивают профессиональные сыщики.

Но вскоре один за другим начинают гибнуть ее друзья и коллеги...

Похоже, разгадка тайны кроется в джунглях телевидения, а для журналистки Елены это естественная среда обитания! Так что

при поддержке боевой подруги Ирки она еще утрет нос родной милиции!..

Содержание

Понедельник	5
Вторник	32
Среда	67
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Елена Логунова

Коктейль из развесистой клюквы

Понедельник

– Нно-о! – неуверенно провозгласил парень в форменной майке продавца, устраиваясь на спине надувной лошадки.

– «Ну, мертвая!» – крикнул малюточка басом...» – одобрительно кивнул торговому работнику Колян.

Он с интересом наблюдал за тем, как молодой человек ерзает по резиновой конской спине в поисках наилучшего положения.

– Сидеть удобно? – спросила я.

– Очень! – с жаром уверил продавец, колени которого находились вровень с ушами.

– Я засекаю время, – предупредила я, поднимая повыше руку с секундомером, позаимствованным с витрины.

В магазин спортивных товаров «Первый дивизион» мы с Коляном пришли вечером тяжелого дня – понедельника для того, чтобы купить нашему двухлетнему малышу какой-нибудь спортивный снаряд или тренажер. Что-нибудь такое, благодаря чему неугомонный Масынька смог бы избавляться

от переизбытка энергии. Ребенок кое-как укладывался спать не раньше полуночи, и это после четырехчасовой пешеходной прогулки по паркам и скверам! Каждый вечер одно и то же, прямо-таки сцены из передачи «В мире животных»: мы с Коляном, склонив головы, кренимся на диване, как парочка хворых попугайчиков, а мальчик галопирует по квартире, как необъезженная лошадь Пржевальского!

– Долгая прогулка по шумному парку со множеством аттракционов – это совсем не то, что нужно ребенку. Его надо утомлять, не перевозбуждая, – авторитетно сказала детская докторша, которой я пожаловалась на нашу проблему.

– То есть физические нагрузки не должны сопровождаться увеселениями? – уточнила я.

– Что ж ему, картошку копать? – вступился за сына Колян.

Сельскохозяйственные работы докторша отвергла и посоветовала физкультурные упражнения. Мне казалось, что наилучшим решением было бы здоровенное беличье колесо, в котором Маша мог бы бегать до упаду.

– Ага, а к колесу провода подвести, чтобы малыш заодно электроэнергию вырабатывал! – одобрил мою идею Колян. – По-моему, он один сможет полквартила освещать!

К сожалению, ничего похожего на беличье колесо в магазине спорттоваров не нашлось. Разнообразные тренажеры Машеньку не впечатлили, и мы с Коляном пришли к выводу, что малыш не сможет в достаточной степени увлечься скучной беговой дорожкой или жалким подобием каное. За-

то в магазине имелись великолепные надувные звери, собаки и лошади, изготовленные из жутко прочной резины в специальном расчете на многочасовую детскую скачку. Правда, Маса не захотел самолично воссесть на какую-нибудь резиновую животину, но смотрел на игрушки с явным интересом и уходил из угла, отведенного под стойло надувных коней, не хотел.

– Ну, кобеля-то мы точно брать не станем, ездовые собаки хороши для чукотских оленеводов, – заявил Колян, хлопая по упругому боку полосатой лошадки. – Но вот эта коняга мне нравится.

– Это зебра, – поправил его продавец, щуплый юноша не самой спортивной наружности, но очень азартный.

Было очевидно, что ему страшно хочется сбегать нам какого-нибудь конька-горбунка. Ничего удивительного: стояли верховые лошадки и собачки по сорок баксов за голову и явно не относились к предметам повышенного покупательского спроса.

– Зебры хороши для африканских бушменов, – сказал вредный Колян, очевидно, нарочно нервируя работника прилавка.

– Возьмем зебру, – решительно вмешалась я. – Если, конечно, она выдержит полевые испытания.

Продавец насторожился, и я в двух словах объяснила ему задачу: надо, мол, проверить, насколько изматывает наездника скачка на надувной зебре!

– На старт! Внимание!! Марш!!! – Свободной от секундомера рукой я рубанула воздух в опасной близости от уха продавца, воссевшего на зебру совершенно добровольно.

– Пошел! – продублировал команду Колян.

– Н-н-о! – отчаянно взревел юноша, пришпоривая своего резинового скакуна.

Громко и восторженно завизжал Масяня.

– «Усталость забыта, колышется чад! И снова копыта, как сердце, стучат!» – с пафосом запел кто-то за моей спиной.

Пение сопровождалось ритмичными хлопками. Я обернулась: позади нас уже собрались зрители. В небольшой толпе там и сям пламенели красные форменные майки «Первого дивизиона». Коллеги нашего продавца подбадривали товарища возгласами: «Вперед, Паша!» и «Шашки наголо!».

– Пам-пам! Пам-пам-пам! – одобрительно взревела дудка в расположенном по соседству отделе футбольных принадлежностей.

– Давай-давай! – закричали болельщики.

– Ур-р-ра-а! – нараспев затянул польщенный общим вниманием наездник.

– Красотища! – явно любуясь происходящим, сказал мне на ухо Колян.

Я прищурилась. Скачущий на верной боевой зебре юный продавец раздумячился, вошел в образ и уже размахивал над головой рукой так, словно крутил в воздухе невидимую саблю. Для полноты картины парню не хватало буденновки со

звездой и красного эскадрона на заднем плане. А на форменной майке под словами «Первый дивизион» я бы еще написала: «Имени Василия Ивановича Чапаева».

В общем, зебру мы купили – ту самую, которую едва не загнал добросовестный торговый работник. Поскольку подходящего насоса у нас дома не было, сдуть игрушку мы не стали, так и понесли по улице. Я тащила коробку и Масыньку, а Колян топал впереди, крепко обняв полосатую лошадь, пока какой-то поддатый гражданин не заступил ему путь со словами:

– Ну, ты отвязный чувак! Надувных баб я навидался, но надувная лошадь – это круто!

После этого «отвязный чувак» Колян попросил нас с Масыней держаться к нему поближе:

– Жена и ребенок – мое алиби, – нервно хихикая, сказал он. – Самим фактом своего существования вы снимаете с меня подозрения в ненормальной сексуальной ориентации.

Так, с шуточками и хохмочками, мы вчетвером: я, два Коляна – большой и маленький и одна безымянная резиновая зебра – прибыли домой. Пока я готовила ужин, муж всячески уговаривал малыша поближе познакомиться с новой игрушкой и минут черед двадцать, наконец, преуспел: Масынька согласился покататься на полосатой лошадке и потом не слезал с нее с полчаса. Не знаю, как зебру, а малыша затяжной гандикап изрядно утомил. Ребенок уснул в двадцать два часа – невиданное дело!

– Ну, слава богу, получилось! – облегченно вздохнул Колян, от полноты чувств звонко чмокнув зебру в тугую резиновую морду. – Теперь мы тоже сможем ложиться пораньше и наконец-то выспимся! Ура! Да здравствует резиновая лошадь!

– Да здравствует наша надувная зебра! – шепотом, чтобы не разбудить ребенка, подхватила я.

Если бы я тогда знала, сколько бессонных ночей ждет меня в ближайшем будущем, выбросила бы игрушку с балкона на головы припозднившимся пешеходам!

Припозднившимся пешеходом тем вечером был Алик Дыркин, высокий блондин в черном ботинке.

Красивый итальянский башмак украшал собой одну правую ногу Алика. Вторая нога была разута. Ее даже можно было назвать наполовину босой, потому что тонкий серый носок, обтягивавший левую нижнюю конечность Дыркина от кончиков пальцев до середины икры, прорвался на пятке большой безобразной дырой. Впрочем, отсутствие ботинка не бросалось в глаза, так как и розовая пятка, и серый носок были равномерно покрыты черной липкой грязью. На подступах к дому Алик по щиколотку провалился в лужу.

На походке высокого блондина некомплект обуви также не сказался, у Дыркина и без того наблюдались серьезные проблемы с равновесием. Алик был безобразно пьян, а потому гнулся и качался, как тонкая рябина из известной на-

родной песни.

Подсознательно уловив это сходство, Дыркин неожиданно приостановил свое неверное поступательное движение вблизи подъезда и доверительно напел фокстерьеру, высу- нувшему любопытную морду в окно первого этажа:

– «Но нельзя рябине...» – ик!

– Нажрался? – откровенно одобрительно пыхнул из глу- бины квартиры папиросным дымом пенсионер Крутиков. – Икаешь?

– Ик! «К дубу перебраться...»

– Перебраться иногда можно, – откликнулся Крутиков. – Как же без этого?

– «...ся!» – с нажимом закончил Алик.

На осмысление последнего неожиданного заявления пен- сионеру понадобилась минута. За это время Дыркин пу- тем вдумчивого ощупывания оштукатуренного фасада на- шел подъезд и внедрился в него. Дальнейшее его перемеще- ние вверх по лестнице до собственной квартиры на втором этаже сопровождалось разнообразными шумами. Алик то- пал, шаркал плечами о стены, гремел перилами и добродуш- но ругался. Особый звук – сочный звонкий шлепок – сопро- водил падение кожаного чемодана, который Алик выронил на лестничной площадке между этажами.

Чемодан был красивый, дорогой, но Дыркин не стал тра- тить время на его поиски. Честно говоря, он даже не заме- тил потери. Алик не успел сродниться со своей ношей, так

как счастливым владельцем чемодана был совсем недолго: этот саквояж ему всего пару часов назад презентовали коллеги по туристическому агентству «Ласточка». Чемодан был подарком Алику на день рождения, шумное корпоративное празднование которого и превратило преуспевающего туроператора в бессмысленную пьяную скотину.

Гремя ключами, добытыми из кармана парадного пиджака с большим трудом и с немалым куском подкладки, Алик попытался надеть на один из ключей одну из замочных скважин, но не преуспел. Скважины, которых, на неверный взгляд Алика, было никак не меньше четырех, разбежались от ключа, словно тараканы от веника. Тогда Дыркин устало прилег на широкую дерматиновую грудь своей двери и с пьяной уверенностью повелел:

– Сим-сим, откройся!

Удивительно, но сказочное заклинание сработало! Дверь распахнулась, уронив Алика на пол прихожей. Некомплектные ноги Дыркина неуютно поерзали по резиновому коврику под дверью, а потом вдруг рывком унеслись в неосвещенную квартиру. Через мгновение дверь шумно захлопнулась.

Минут пять-шесть в подъезде было тихо, как и положено в поздний час. Потом на третьем этаже шелкнул замок, скрипнула дверь, и вниз по лестнице мягко поскакал кот Миха, жаждущий любовных утех.

– Гуляй, пока молодой! – напутствовал своего домашнего любимца военный пенсионер Иван Иванович Ивушкин, за-

крывая дверь.

В свои пятьдесят Ван Ваныч, как его называла любящая супруга Марфа Андреевна, сохранил достаточное количество жизненных сил и отнюдь не смутные воспоминания о тех временах, когда он сам теплыми ночами допоздна болтался в палисаднике у подъезда, горлая, как охваченный любовным томлением Миха. С той разницей, что Миха пел «а капелла», а юный Ваня голосил под собственноручно терзаемую гитару.

Мордастый «британец» Миха на мягких лапах пружинисто вынесся во двор, и по клумбе, густо заросшей осенними астрами, прошла волна. Сразу несколько представителей вида кошачьих рванули кто куда. Домашний перс стариков Крутиковых метнулся на знакомый подоконник, поближе к родному фокстерьеру Фантику. Матерый наглый «дворянин» Тимоня бесстрашно попер навстречу конкуренту Михе, а распутная сиамская кошка Снежинка, провоцируя кровавые кошачьи разборки, томно мяукнула и сиганула на ветку старой яблони, откуда на пяточок перед подъездом сразу же упало большое червивое яблоко. Черный Тимоня легко перепрыгнул через него и приземлился на асфальт в полуметре от присевшего Михи. Рыжий «британец», опровергая байку об англосаксонской невозмутимости, нервно дернул пушистым хвостом и хрипло провыл:

– Уо-уо-о-о!

– Уа-а-а-а! – хамовитым басом ответил Тимоня.

Котяры замерли, прижав уши и разинув пасти. Друг на друга они при этом не смотрели, но вопили на редкость слаженно, как будто долго репетировали.

Наверху со стуком распахнулось окно.

– Миха! – плачущим голосом излишне громко прокричала Марфа Андреевна Ивушкина, в тревоге за судьбу четвероногого друга нарушая законы человеческого общежития. – Михочка, иди домой, мой мальчик! Михуся! Иди, мамочка даст вкусной рыбки!

– Мья-а-а! – издав боевой клич неведомого шотландского клана, Михочка ринулся в бой.

– Михуня мой! Михуля! – надрывалась любящая хозяйка, перебирая все возможные производные от клички питомца.

– Не матери кота, Марфа! – прикрикнул на супругу Ван Ваныч. – Минька у нас боец что надо! Колонизатор! Гляди, как он метелит этого кошачьего негра!

Рыжий «британец», действительно, обратил черного противника в бегство и, не откладывая дела в долгий ящик, порысил к яблоне, на ветке которой соблазнительным плодом бугрилась распутная Снежинка.

– Давай, Михей, покажи, какой ты мужик! Не посрами фамилию! – подбадривал кота азартный Ван Ваныч.

– Михочка, маленький мой!

Причитающая Марфа Андреевна выдернула из гнездышка на боковой полке холодильника бутылочку с валерьянкой и побежала во двор – подманивать дорогого котика с твер-

дым намерением пленить его и утащить домой, подальше от опасностей разгульной дворовой жизни.

С балкона несся залихватский свист развеселившегося Ван Ваныча.

– Московское время двадцать два сорок пять! – негодуя, сообщил пенсионер Крутиков, выглянув из своего окна, как классическая кукушечка из часов.

Порывисто распахнутая створка стряхнула обратно в клумбу аморфного перса Дусика. Приятель-фокстерьер сочувственно взлаял ему вслед.

– А вы не гавкайте там! – некультурно отозвался с третьего этажа Ван Ваныч. – Спите спокойно, дорогие товарищи, импотенты и кастраты!

– Это кто тут импотент?! – козлиным голосом вскричал задетый за живое дедушка Крутиков.

– Да уж ясно, что не жиртрест твой персидский: тот, определенно, кастрат! – издеваясь, отозвался Ивушкин.

С отчетливой претензией взлаял фокстерьер Фантик, на которого в связи с вышесказанным также легла тень подозрения.

– А ну, захлопнули окна, аксакалы! – пугающе гаркнул в свою форточку Вася Ижицин, грузчик с незаконченным средним образованием. – Мне в половине шестого вставать, в шесть на рынок двигать! Дайте спать, пока живы!

Забияки-пенсионеры проглотили угрозу и замолчали. Сопя, как революционный паровоз, Вася с минуту прислуши-

вался к наступившей тишине, потом удовлетворенно изрек:

– Ну, то-то же! – и со стуком захлопнул свою форточку.

– Миха, Михочка, иди к мамочке! – опасливо зашептала Марфа Андреевна, стоя на пороге подъезда с пузырьком валериановых капель в одной руке и белым носовым платочком в другой.

Неловкими пальцами выковырнув тугую пластмассовую пробочку, пенсионерка окропила тряпочку валерианкой и помахала белым флажком, как парламентар.

– Мя-а-а! – дурным голосом вякнул валерианозависимый Миха, мелким бесом подпрыгивая на задних лапах у ног хозяйки.

– Тихо, котик, тихо! – Красиво помахивая платочком, как участница хореографического ансамбля «Березка», Марфа Андреевна быстро поплыла в глубь подъезда.

Ловко пятясь, кошачья хозяйка в сопровождении наступающего на нее подшефного «британца» добралась до площадки между первым и вторым этажом, и тут ей под ноги угодил чемодан, утерянный Аликом. Потеряв равновесие, Марфа Андреевна упала на спину, ушиблась и выронила пузырек. Громко зазвенело стекло, вскрикнула и заругалась Марфа Андреевна. Бессердечный Миха, как призовой жеребец, перемахнул через сдвоенное препятствие в виде чемодана и павшей обочь него хозяйки и жадно припал к ароматной валериановой лужице.

– Ну, что еще?! – рывкнул гневливый Вася Ижицин, рас-

пахивая дверь на лестничную площадку.

– Вася, чемодан! – жалобно сказала Марфа Андреевна.

– Кто чемодан? Я чемодан?! – не понял Ижицин.

– Тут чемодан. На лестнице стоит! – поспешно объяснила женщина. – Большущий. И вроде, дорогой... Не твой ли?

– Да на фига мне чемодан? – искренне удивился Вася, перегибаясь через перила. – Я все больше по коробкам и ящикам специалист...

Свет из распахнутой Ижициным двери выхватил из темноты подъезда Аликову потерю. Чемодан красиво блестел новой кожей и сверкал желтыми замочками.

– Слышь, Андревна, ты давай, отползай от него потихонечку! – встревоженно нахмурился Вася. – Больно подозрительный чемоданец! Фиг его знает, че в нем такое? Может, этот, как его... тротилловый эквивалент!

– Думаешь, бомба?! – враз осипшим голосом прошептала Марфа Андреевна.

Забыв об ушибах, она проворно поднялась на ноги и обошла по широкой дуге подозрительный чемодан, на ходу подхватив на руки яростно вырывающегося кота.

– Тише, Михочка, не волнуйся, – прерывающимся голосом бормотала кошачья хозяйка, поспешая в свою квартиру. – Сейчас мамочка позвонит, куда надо, и дяди милиционеры проверят, что это за чемоданчик!

– Нет террору! – согласно вздохнул Вася Ижицин.

Он посторонился, пропуская наверх спотыкающуюся

Марфу Андреевну, еще раз посмотрел на подозрительный чемодан, почесал в затылке и задумчиво спросил сам себя:

– Поглядеть, че будет, или ну его на фиг?

– Вась, ну че там? – капризно спросила из глубины квартиры Васина сожительница Клавдия, продавщица из колбасного ларька.

– Че-че! Через плечо! – неласково буркнул Ижицин. – Одевайся, Клавка, бери деньги, документы и пошли дрыхнуть на топчан в гараже. Тут щас такой цирк начнется, что будет не до сна, а нам с тобой чуть свет на рынок топать.

Цирк начался за полчаса до полуночи. В маленький дворик у сталинской трехэтажки, распарывая ночную тишь и темень разноголосым ревом сирен и огнями мигалок, влетели машины милиции, пожарных, МЧС и сразу две «Скорых». Вкривь и вкось пришвартовавшись у дома, спецавтомобили быстро заглушили моторы, но не сразу вырубил звуковые сигналы. Поэтому вскоре в доброй половине окон, выходящих во двор, уже торчали головы испуганных жильцов – такие же круглые и взъерошенные, как соседствующие с ними по подоконникам крупные кактусы.

Первой в подъезд деловито вошла специально обученная собака. Желтый ретривер Маршал без промедления обнаружил подозрительный чемодан и проявил к нему повышенный интерес, природу которого двуногий товарищ Маршала, кинолог Степа, классифицировать затруднился. Несовершенное человеческое обоняние самого Степы ощущало

только сокрушительное совокупное амбре валериановых капель и свежей кошачьей струи. Маршал выглядел смущенным. Почесав в затылке, кинолог высунулся в окно и сообщил ожидающим информации спецам:

– Что-то в этом чемодане есть!

– Что именно? Смена белья и жареная курица? – потребовал уточнения кто-то из взрывников.

– Не, точно не курица. – Степа и Маршал одинаково помотали лохматыми головами. – Что-то странное и подозрительное. Пожалуй, надо эвакуировать народ.

Народ, передовые представители которого, насторожив ушки, уже давно сидели на подоконниках, начал эвакуироваться добровольно, не дожидаясь особого приглашения. По лестнице толпой повалили наспех одетые граждане с ручной кладью и похожими на свертки младенцами.

– Осторожно, Коля! Держись поближе к перилам!

Я вручную помогла вписаться в крутой изгиб лестницы неразворотливому Колянцу, отягощенному закутанным в одеяло Масынькой.

Ребенок выпростал ручку и сделал попытку на ходу потрепать по голове крупную собаку желтой масти. Псина с жутко серьезным видом восседала на лестничной площадке, в паре с мужиком в камуфляжной форме преграждая бегущим доступ к опасному чемодану.

Во дворе испуганный народ встречали сурово нахмуренные менты. Неискренне повторяя крылатую фразу из репер-

туара Карлсона: «Спокойствие, только спокойствие!», они отгоняли людей подальше от дома, и вскоре подступы к нашей трехэтажке стали напоминать не то лагерь беженцев, не то бивак средневековой армии. Особенно живописно смотрелась площадка для сушки белья, где под сенью забытых кем-то пододеяльников, трикотажных мужских подштанников с вытянутыми коленками и дюжины огромных бюстгалтеров, каждый из которых свободно мог вместить пару пушечных ядер, на узлах и чемоданах устроилось многодетное семейство Суньковых из тридцать третьей квартиры.

Колян с Масынькой оккупировали просторные двухместные качели и тут же задействовали их по прямому назначению, нервируя бодрым скрипом чету пенсионеров Крутиковых с их внучкой, собачкой и котиком. Крутиковы рядком уселись в изножии крутой детской горки и напоминали собой небоеспособный обоз суворовских войск, напрочь отказавшийся от мысли совершить исторический переход через Альпы.

Свежий ночной воздух и размеренное качание быстро усыпили нашего малыша. Колян тоже начал было клевать носом, но я безжалостно потрясла его за плечо и строго-настрого велела не дремать, чтобы не проспять чего-нибудь важного. Потом подоткнула Масы одеяльце и побежала в первые ряды зрителей, не в силах справиться с обуревающим меня любопытством.

Тем временем в подъезде, где взрывники Петров и Трош-

кин визуально исследовали подозрительный объект, события разворачивались своим ходом. Низко склонившись над чемоданом, Вася Трошкин сделал слишком глубокий вдох и наполнил легкие гремучей смесью испарений спиртового раствора валерианы и кошачьей мочи.

– Ы-ы-ы! – задыхаясь, произнес Вася.

Он высоко поднял брови, аккуратно вписав их в ранние залысины на лбу, одинаково округлил глаза и рот, и через несколько секунд Васин организм, вполне здоровый и хорошо тренированный, но абсолютно не приспособленный к потреблению необычных дыхательных смесей, заявил свой решительный протест.

Протест выразился в оглушительном многосерийном чихании, изнурившем Трошкина настолько, что он зашатался, переступил с ноги на ногу и неосторожным движением повалил на бок чемодан. Васин коллега Дима Петров малодушно зажмурился, но, поскольку ничего страшного не произошло, через несколько секунд осторожно «выжмурился» обратно.

– Не рванул? – немного удивленно пробормотал Дима.

Вася не ответил: он продолжал чихать и кашлять, вися животом на перилах, как белье на веревке. Недоверчиво вздернув брови, Петров сомкнул нервно подрагивающие пальцы на ручке чемодана и поднял его. Чемодан с легкостью оторвался от пола.

– Да он же пустой! – воскликнул Петров.

– Не может быть! – не поверил ему Трошкин.

– На, поддержи!

Дима передал чемодан Васе.

– Точно, пустой! – обрадовался тот и, недолго думая, щелкнул латунным замком.

Чемодан с готовностью открылся, и из него в сизую дымку подъезда, подсвеченного снаружи прожектором, как медузы из темных морских глубин, поплыли ввысь круглые молочно-белые шары с длинными золотистыми хвостиками, закрученными в изящные спиральки.

– Это еще что за хрень?! – запрокинув голову, безмерно изумленно воскликнул Петров.

– Шарики! – давясь истерическим смехом, прохрипел не вполне прокашлявшийся Трошкин. – Обыкновенные воздушные шарики!

– А если не обыкновенные? – спохватился Петров. – Кончай хихикать, дурак! Фиг его знает, что за газ у них внутри! Не дай бог, зарин!

– Ох, мать вашу! – враз посерьезнев, выдохнул Трошкин. – Зарин? Тогда дело плохо. Если хоть один шарик рванет, будет нам тут газовая атака почище, чем в Токийском метро.

– Полное аум сенрике! – согласился эрудированный Петров, кстати вспомнив название японской секты, устроившей в столице своей исторической родины кошмарный террористический акт с применением отравляющего газа.

Поднявшись на цыпочки и вытянув шею, я из-за плеча неразговорчивого милиционера смотрела на наш подъезд, в котором, вероятно, происходило какое-то действие. К сожалению, разглядеть что-либо снаружи, да еще с расстояния метров в пятьдесят, никак не получалось.

– Спорим, что бомба рванет? Ставлю полтинник, – предложил Сашка Суньков, топчась рядом со мной.

Я повернула голову и посмотрела на тринадцатилетнего оболтуса, розовощекая физиономия которого сияла нездоровым оживлением.

– Если бомба рванет, я не смогу заплатить за пари: кошелек в квартире оставила, – ответила я.

– Значит, раскидает твои денежки по всей округе! – радостно заржал Сашка. – Тут-то мы их и соберем!

– Тогда мы костей не соберем! – вступил в разговор хмурый дядечка из соседнего подъезда.

– Граждане, шли бы вы куда подальше, а? – не оборачиваясь, попросил милиционер, закрывающий нам своим телом и доступ к подъезду, и обзор.

– Как вам не стыдно! Представитель власти, а ругаетесь! – взвилась незнакомая тетка с головой, густо усаженной шипастыми бигуди, что делало ее похожей на добычливого ежика.

– Ой, да замолчите вы все! – невежливо перебил женщину Сашка. – Орете, как резаные, слушать мешаете!

– Он ждет, что бомба взорвется, – объяснила я ежевидной

тетеньке.

– Ой, да не дай боже! – закрестилась та. – Беда-то какая будет, и-и-и!

Подкрепляя бабий тоскливый вой, из-за угла соседнего дома, гудя клаксоном, вывернула еще одна машина – без мигалки и сирены, зато с табличкой «Телевидение» за лобовым стеклом.

Через минуту в первый ряд зевак протиснулся мой добрый приятель и коллега – оператор Вадик Рябушкин. За ним, размахивая микрофоном, как марширующая мажоретка жезлом, поспешал Аслан Буряк, человек в нашей телекомпании новый, но уже замеченный и отмеченный.

Невероятно активный и столь же самонадеянный, Аслан с разбегу занял вакантную должность, от которой с полгода отбрыкивались все наши штатные журналисты, – и.о. главного редактора. На руководящем посту Аслан без устали творил чудеса глупости, за что сразу же получил от нашего редакционного народа язвительное прозвище «Ослик ИО». А собственное имя нового главреда очень удачно переделалось из Аслан в Осян.

– Ну, где бомба? – протолкавшись вперед, спросил Ослик ИО таким тоном, словно он ожидал, что искомую бомбу поднесут ему на блюде с голубой каемочкой.

– Там, – мотнула я головой на подъезд.

– Привет, Ленка, – не отрываясь от видеоискателя телекамеры, произнес Вадик, узнав меня по голосу.

– О, а ты что здесь делаешь? – Ослик тоже опознал меня и нахмурился, вероятно, предполагая, что я конкурирую с ним как репортер.

– Я там живу, – повторила я движение подбородком.

– Да что ты?! Вот здорово! – возликовал Ослик, неумеренно жестикулируя и азартно шевеля носом с горбинкой.

У родового дерева Аслана Буряка была сильно разветвленная корневая система, но часть отростков, несомненно, уходила за Кавказский хребет. Сей факт доказывали как знойная брюнетистая внешность, так и безумная эмоциональность Аслана.

– Как пострадавшая дашь интервью? – Ослик ИО крепко ухватил меня за локоть.

– Я пока еще не пострадавшая! – напомнила я.

– Да рванет бомба, не сомневайся, – «успокоил» меня несносный Сашка Суньков.

– Вадик, ты смотри, не отвлекайся! – забеспокоился Ослик. – Если не снимешь взрыв, будешь моим кровным врагом!

– Отчего не снять? – хладнокровно отозвался Вадик, несколько не напуганный обещанием вендетты. – Если рванет в ближайшие тридцать секунд, запросто сниму.

– А если позже? – Мне стало интересно, чем вызвана необходимость жесткого регламента.

– А если позже, то не сниму, – пожал плечами Вадик. – У меня пленка заканчивается.

– Как заканчивается?! Мы же в ресторане только-только новую кассету распечатали! – От полноты чувств Ослик подпрыгнул, приземлившись на ногу юному Сунькову.

– Мы снимали презентацию ресторана восточной кухни, – пояснил мне оператор. – Для рекламы. А потом нам позволили с новостью про ваш заминированный дом, чтоб его!

– Не надо, – пробормотала я.

– Да я просто хочу сказать, что эта ваша бомба оказалась жутко некстати, – извиняясь, пояснил Вадик. – Аслану, разумеется, захотелось первым из акул пера подгрести к месту событий, поэтому мы бросили недоеденный шашлык и примчались сюда.

– Ты мне зубы не заговаривай! – взвился обиженный Ослик. – Ты на что пленку извел, а?!

– Бэ! – беззлобно огрызнулся Вадик.

Шипящий от боли Сашка наконец-то выдернул свою обувь в домашний шлепанец конечность из-под каблука Аслановой туфли. Ослик покачнулся, но устоял.

– Ты не забыл, кто велел мне снимать танец живота со всеми подробностями? – напомнил ему Вадик. – Все, капут твоей новой кассете! Запасная есть?

– Нэту! – в речи разволновавшегося Аслана прорезался отчетливый кавказский акцент.

– Вах! – цокнул языком бессердечный Вадик.

Ослик ИО в отчаянии заломил руки с микрофоном, сделавшись карикатурным подобием певца Меладзе, но, про-

тив ожидания, не запел. Он сформировал из нижней губы квадратный ящичек и задумчиво подвигал его вперед-назад. Кавказские глаза Аслана загорелись, как огнем, и пальнули пламенем прямо в меня:

– Елена, а ведь у тебя наверняка есть кассеты!

– Там, – в третий раз за короткое время кивнула я на свой подъезд.

– Неси!!!

Я вытаращилась на идиота:

– Как это – неси? Да кто меня туда пропустит? Не видишь разве, что дом оцеплен!

– А сзади не оцеплен, – подсказал Сашка Суньков. – С той стороны ни одного живого мента нет!

Милиционер, за спиной которого мы сгруппировались, обернулся и внимательно посмотрел на не в меру разговорчивого подростка.

– В смысле, там нет ни одной живой души, – поправился Сашка.

– Менты: живые и мертвые, – вполголоса проговорил веселящийся Вадик. – Отличное название для нового сериала!

– Иди сюда! – Ослик за руку вытащил меня из толпы.

– Ну, чего тебе? – с неудовольствием спросила я.

– Ясно, чего: кассету! Ты на каком этаже живешь?

– На втором, а что?

– Квартира с балконом?

– Ты очумел? – До меня наконец дошло, к чему ведут его

вопросы. – Хочешь, чтобы я лезла в собственную квартиру через балкон?

– А он закрыт? – не отставал Ослик.

– Закрыт? – попугаем повторила я его вопрос, одновременно пытаясь припомнить, закрыла ли я в спешке балконную дверь.

В конце сентября в городе было жарко, как в августе: наступило бабье лето. Помню, перед сном я открывала все окна...

– Кажется, открыт, – озвучила я свои воспоминания.

– Замечательно! – обрадовался Ослик.

– Аслан! Я не идиотка, чтобы лезть в заминированный дом! – сердито сказала я.

– Да я сам полезу, ты только покажи свой балкон и объясни, где искать кассету.

– Соглашайся, – шепнул мне на ухо подошедший Вадик. – Если бомба все-таки рванет, мы избавимся от дебильного главреда. Какое-никакое, а все-таки утешение!

– А что мне за это будет? – поинтересовалась я. Напоминание о том, что Аслан – мое начальство, повернуло мои мысли в другую сторону.

– Завтра можешь не выходить на работу, – быстро сказал Ослик. – Даю тебе отгул для восстановления здоровья после пережитого нервного потрясения!

– Очень надеюсь, что нервного и прочего потрясения все-таки не будет, – пробормотала я. – Ладно, слушай. Кассеты

лежат в тумбочке под телевизором...

Проинструктированный Аслан поспешил занять исходную позицию под балконом. Вадик, который добровольно вызвался стать нижним в пирамиде, подсадил более щуплого Ослика себе на плечи и, дождавшись, пока тот переберется на балкон, помахал ему ручкой:

– Удачи! Мы тебя встретим с той стороны!

Не дожидаясь возвращения Ослика, мы с Вадиком побежали назад, к народу, и как раз успели увидеть торжественный выход из подъезда взрывников.

Две кряжистые фигуры устрашающего вида возникли на пороге, как персонажи черной комедии. На мордах у парней были противогазы, в руке у одного – пресловутый чемодан, а другой держал связку воздушных шариков. Скрученные хвосты шаров красиво золотились, стеклянные очки противогазов пугающе сверкали.

– Ой! – обморочно выдохнула впечатлительная Людочка Сунькова, беременная очередным, шестым по счету, потомком.

Подоспевшие санитары заботливо переместили ее поближе к карете «Скорой помощи».

– Похоже, взрыв отменяется! – с сожалением констатировал бесчувственный Людочкин старшенький.

И как сглазил: не успел Сашка договорить, как в глубине дома грохнуло.

– Мама! – Со слабым взвизгом только-только приведенная

медиками в чувство, Людочка Сунькова снова отключилась.

В толпе возбужденно загомонили. В подъезд, толкаясь локтями, рванули менты и спасатели. Кошмарная парочка в праздничном убранстве из шаров и противогозов замерла посреди двора, таращась стеклянными очами на целый и невредимый чемодан.

– Ох, у меня какое-то нехорошее предчувствие! – призналась я приятелю-оператору.

– А вот и я! – сообщил запыхавшийся Аслан Буряк, с разгону влипая в широкую спину Вадика. – Слушай, ты меня извини! Какой-то я сегодня неуклюжий... Леночек, прости, бога ради, там у тебя в квартире была какая-то надувная мебель... Я тебе за нее заплачу. купишь новую, ладно?

– Ты грохнул Масынькину лошадь? – догадалась я. – Это она так рванула?

– Ло-ошадь? – удивился Ослик. – Я думал, это пуфик.

– И какой же ты после этого джигит, Аслан? – съязвил Вадик. – Коня от пуфика не отличил!

– Да у меня не было возможности его рассматривать! – рассердился Ослик. – Я с балкона шагнул, за порожек запнулся и – упал. А оно ка-ак шарохнет! Я чуть не обделался с перепугу!

– Спасибо, что хотя бы не обделался, – желчно поблагодарила я. – А кассету-то нашел?

– А как же! – торжествующий Ослик сунул коробочку в протянутую руку Вадика.

Ребята занялись своим делом и моментально забыли про меня. Вздохнув при мысли о том, что с утра пораньше придется бежать в магазин спорттоваров и покупать Маше нового скакуна взамен лопнувшего, я повернулась спиной к подъезду и побежала на детскую площадку вытаскивать из качелей своих Колянов и вести их домой. Оцепление уже снимали, жильцы, делаясь впечатлениями от нескучно проведенной ночки, потянулись в свои квартиры.

Вторник

Этажом выше в подъезде с грохотом захлопнулась дверь, и вниз по лестнице загремели торопливые шаги. Сопровождающие их звуки пробудили в моей памяти незабываемый образ трагически погибшей скаковой зебры, и я проснулась со слезами на глазах.

Даже не глядя на часы, я знала, что сейчас примерно половина восьмого: трое из пяти имеющихся в наличии детишек Суньковых под предводительством обормота Сашки только что поскакали в школу. Минут через десять из квартиры выдвинется их мамочка, конвоирующая в детский сад трехлетних близнецов Сашу и Пашу. Не желающие сдаваться в ясли, пацаны будут затруднять продвижение родительницы, злокозненно поджимая ноги на ступеньках. Поравнявшись с нашей дверью, горластый Паша, как обычно, заорет, а тихоня Саша предпримет очередную суицидальную попытку – попытается выброситься в лестничный пролет, нырнув под перила.

Вздыхнув, я вылезла из-под одеяла, натянула просторную Колянову майку, с успехом заменяющую мне утренний халат, и собрала с пола останки надувной зебры. Ключья полосатой резиновой шкуры разметало взрывом по всей комнате, а пустотелую голову я отыскала в прихожей. Лошадиная морда сморщилась и перекосилась, но остроконечные уши

сохранили твердость и торчали вверх так жизнеутверждающе, что это выглядело несколько непристойно. Я похоронила останки зебры в мусорном ведре и принялась готовить завтрак, размышляя, что бы такого утешительного сказать Масыньке, если он спросит, куда подевался его новый четвероногий резиновый друг.

– Лошадка убежала в поле, покушать травки, – проникновенно поведала я пузырям в кастрюльке с кипящей водой.

– Неужели? – возникнув на пороге кухни, спросил отчаянно зевающий Колян. – Ну, продолжай...

– Ты же знаешь, Коленька, что лошадки кушают только травку? – я с готовностью сменила адресную аудиторию. – Ну вот, а у нас в доме травки не нашлось, поэтому лошадка пошла завтракать в лес.

– Убедительно. – Колян дважды хлопнул в ладоши, потом остро прищурился на стеклянную банку с укропом, быстро переставил ее со стола в закрытый кухонный шкафчик и пояснил: – Травка.

Я кивнула и накрыла пустой коробкой из-под торта кактус на подоконнике.

– Разве лошадки едят кактусы? – усомнился Колян.

– У нас была зебра, – напомнила я.

В дверь позвонили.

– Это еще кто? – удивился Колян, скрываясь в прихожей.

Через секунду я услышала басовитый хохот и знакомый голос нашего друга Сереги Лазарчука.

– Доброе утро, страна! – радостно возвестил Серега. – А мы пришли к вам кофе пить!

– Ты не один? – удивилась я.

– Я с Петькой.

Я бросила в кипятилок еще четыре сосиски и вышла в прихожую навстречу гостям.

– Это Петька, – представил мне Лазарчук симпатичного белокурого юношу с длинными ресницами куклы Мальвины. – Мы с ним провели бурную ночь.

– Ты сменил ориентацию? – поинтересовался бестактный Колян.

– Скорее, род занятий! – весело хохотнул Лазарчук. – Я теперь не просто сыщик, а сыщик-педагог! Петька – мой стажер. Сегодня он в первый раз выезжал на место происшествия, поэтому немного не в себе и остро нуждается в горячительном. У вас что-нибудь есть?

– Есть горячительный кофе и горячительные сосиски, – ответила я, пропуская гостей в кухню. – Или вам спиртное нужно?

– Нет, нам еще работать, – торопливо покачал белокурой головой стажер Петька.

– Давай сосиски, – согласился Лазарчук.

– Сосисотьки! – эхом подхватил появившийся на утренней сцене Масянька, протискиваясь поближе к столу.

Он вскарабкался на табурет, протянул сложенную ковшиком ладошку и жалостливо попросил:

– Мама! Мамотька! Мамулетька! Дай ему одну хоошую сосисотьку!

– У ребенка появилась занятная манера именовать себя в третьем лице, – пояснил Колян, стаскивая малыша с табурета. – Колюша, а умыться, а ручки помыть?

– Папотька! Помой ему рутьки! – Ребенок потянул отца в ванную.

– Садитесь к стеночке, там поспокойнее будет, – посоветовала я гостям. – И держите свои тарелки подальше от Масяни, он чрезмерно любит сосиски.

С сосисками, сыром, вареными яйцами и творожной пастой соединенными усилиями расправились быстро. За кофе и чаем «приговорили» печенье и не съеденные Масей с вечера кукурузные палочки.

– Могу еще предложить мед и курагу, – сообщила я, поспешно проинспектировав холодильник.

– А можно еще кофе? – попросил Лазарчук.

– А мне чаю? – хлопнул ресницами Петька.

– Чай можешь выпить Масянькин, он к своей кружке не прикоснулся. Видно, не хотел горячительного, – отозвался Колян.

– Лошадка! Лошадотька! Лошадюля! – с болью в голосе вскричал ребенок, успевший убежать из кухни в комнату. – Лоша-а-а-а-а!

Нарастающий детский рев создавал полную иллюзию того, что мы вдруг перенеслись в аэропорт, прямо на взлетную

полосу. Я малодушно зажмурилась.

– Пристегните ремни! – ассоциативно пробормотал Колян, отодвигая свой табурет с прохода.

Топая ножками, в кухню ворвался рыдающий Маса. В руке у малыша была куцая тряпочка, похожая на несвежий носовой платок.

– О боже! – Я сообразила, что ребенок нашел пропущенный мной фрагмент лопнувшей зебры.

– Ни слова про травку! – шепнула я Коляну. – Срочно нужна другая версия событий!

– Ага, – муж понятиливо кивнул.

– Лошадка? – Всхлипывающий малыш протянул мне резиновый клок.

– Это? Да, это лошадка, – вынужденно согласилась я, решительно не зная, что говорить дальше.

– Это была лошадка, – перебил меня Колян, сделав акцент на прошедшем времени глагола.

Затем прищурился и вдохновенно зачастил:

– Но лошадка не простая. Не надо плакать, Колюша! Ты помнишь сказку про Царевну-лягушку? Умница! Так вот, мой хороший, у нас с тобой была Царевна-лошадка...

– Не хило! – пробормотал Лазарчук.

– Вчера вечером Коля обнимал и целовал Царевну-лошадку, и поэтому ночью она сбросила свою лошадиную шкурку! – заявил Колян.

– И превратилась в Царевну! – радостно подхватил Лазар-

чук, смекнув, к чему клонит Колян.

– Правда-правда, мой милый! – Я тоже поспешила присоединиться к сказочникам.

Мася закрыл ротик, неуверенно улыбнулся, а потом огляделся по сторонам и неожиданно требовательно спросил:

– Где Цаевна?

– Оп-ля! – тихо сказал Колян.

Предъявить ребенку вылупившуюся из лошадки Царевну он явно не был готов.

Я оценивающе посмотрела на Лазарчука.

– Царевич! – перехватив мой взгляд, нашелся с ответом сообразительный Колян. – Наша лошадка превратилась не в Царевну, а в Царевича!

– Такой Конь-царевич, да? – покрутил головой Серега.

– Где Цаевить? – насупился упрямый Мася.

Я в упор посмотрела на сыщика.

– Я не могу, он меня знает как дядю Сережу, – сообразив, что к чему, поспешно шепнул Лазарчук. – Извини, Петька, но делать нечего, придется тебе...

– Вот он, твой Царевич! – торжественно возвестил Колян, тыча чайной ложкой в грудь стажера.

– Цаевить-лошадка? – уточнил Мася.

– Он самый, – подтвердила я.

Ребенок немного помолчал, обдумывая сказанное.

– Может, мы уже пойдем? – почувствовав неладное, робко прошептал стажер Петя.

– Сидеть, – тихо скомандовал Лазарчук.

– Кататься! – постановил Масынька. – Он хочет кататься на лошадке!

– Петенька, вам это зачтется! Покатайте его, пожалуйста! – взмолилась я.

– Это будет нетрудно, Масы весит всего шестнадцать кило. Совсем как пудовая гиря! – ухмыльнувшись, сообщил Колян.

Стажер издал протяжный лошадиный вздох и с сожалением отодвинул от себя недопитый чай.

Расседлать взмыленного Петю удалось только минут через десять, когда Конь-царевич уже начал хрипеть и заваливаться на бок, рискуя придавить седока. К счастью, как раз пришла наша няня, и Масы начал собираться на прогулку, наконец оставив в покое несчастного Петю.

Убегали мы из дому все вместе – я, Колян, Лазарчук и его стажер. Убегали с дружным топотом и ржанием, вчетвером живо напоминая собой классическую квадригу. Коля, Серега и Петя поскакали на работу, а я сбегала в ближайший магазин, прикупила продуктов и вернулась домой. Няня с Масы уже ушли на прогулку, в доме было тихо.

– Одна, совсем одна! – мечтательно пробормотала я, думая, не завалиться ли мне на диван с книжкой в одной руке и шоколадкой в другой.

Посмотрела на книжную полку и охнула:

– Лола! А про тебя-то я забыла!

На верхней полке стояла небольшая клетка, задвинутая поближе к стене, чтобы ее не было видно Масыньке. В клетке сидела декоративная крыса Лолита, принадлежащая нашему соседу Алику Дыркину.

Искренне считая всех женщин существами, совершенно непригодными для одомашнивания, закоренелый холостяк Алик не спешит обзаводиться женой или хотя бы постоянной подружкой. К несчастью для Алика, он хорош собой, имеет стабильный заработок и собственную квартиру, и все это, вместе взятое, делает его весьма привлекательным объектом для дам, жаждущих приручения на законных основаниях. Алик очень старается, чтобы его отношения с женщинами не выходили за рамки необременительной интрижки, и безжалостно пресекает попытки коварных дам задержаться на его территории. Фирменный способ Дыркина быстро выставить из дома навязчивую барышню – знакомство подружки с Лолитой. Обычно накануне интимного свидания Алик относит свою верную крысу к кому-нибудь из соседей, а поутру забирает зверька обратно. Что они с Лолитой вытворяют дальше, я не знаю, но только истошный визг Аликовых девиц слышен всему подъезду.

– Что-то хозяин за тобой сегодня не спешит, – заметила я, забираясь на стул, чтобы снять клетку с крысой с полки. – Может, влюбился?

Лолита несогласно дернула длинным голым хвостом.

– Вряд ли, конечно, – согласилась я. – Скорее, ночное ЧП

выгнало голубков из постели, и Алик с подружкой переместились в какое-нибудь другое, более спокойное место.

Тут я с раскаянием вспомнила, что в момент всеобщей эвакуации напрочь забыла о крысе, оставленной на мое попечение, и бедняга Лола рисковала взлететь на воздух. Правда, подозрительный чемодан оказался невзрывоопасным, но лопнувшая зебра могла сильно травмировать нервную систему домашней крыски.

– Сейчас я накормлю тебя печеньем и отнесу к хозяину, – пообещала я зверьку, смешно шевелящему усами.

Сбегав на кухню, я просунула между прутьями клетки надкусанное Масей печенье, взяла клетку и вышла на лестничную площадку. Но только поднесла палец к звонку соседней квартиры, как заметила, что дверь не заперта.

– Напился и забылся, – догадалась я.

Кстати, мне вспомнилось, что ночью во дворе я мельком видела Дыркина: Алик был пьян, как сапожник, и безвольно висел на плече незнакомой мне полуголой девицы. Я толкнула дверь и сказала взволнованной Лолите, объясняя свой поступок:

– Я только войду и поставлю твою клетку на видном месте. Извини, но я не могу оставить тебя у себя дома: если Мяснянка тебя увидит, то потребует усыновить, а я не готова обзавестись четвероногим питомцем. Мне и своих двуногих хватает.

Лолита что-то пискнула в ответ, но я не стала ее слушать,

просто толкнула дверь и вошла в квартиру. В принципе, можно было оставить крысиную клетку в углу прихожей или на полу, но я ведь уже обещала Лоле поместить ее на видном месте. А наиболее видными местами, по моему опыту, в среднестатистической квартире являются тумбочка с телевизором и кухонный стол.

Не желая тревожить обитателей квартиры, которые, судя по тишине, еще спали, я прошествовала в кухню и с большим сомнением оглядела стол, занимающий центральную часть помещения. Что и говорить, местечко было видное, стол буквально приковывал к себе взгляд, как творение гениального художника-абстракциониста! Блюда и блюдца с мясными нарезками, овощными закусками и всяческими салатами громоздились на столе вкривь и вкось, наползая друг на друга, как черепичины на древней крыше, вступившей в период линьки. С накренившейся салатницы сошла лавина оливье, сдвинувшая с блюда одноногую жареную курицу. Инвалидная птица уползла на самый край стола и застыла там в шатком равновесии. От падения ее удерживала только плоская поллитровка, придавившая острое поджаристое крылышко. Из бутылки на линолеум натекла коричневая лужица.

– М-да-а-а... Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах, – пробормотала я, глядя на куриную тушку под салатной горкой.

Свободной от крысиной клетки рукой я машинально подняла перевернутую бутылку, и освобожденная птица тут же

полетела на пол.

– Только смелый буревестник реет гордо и свободно! – прокомментировала я последний полет жареной птицы.

Курица шмякнулась точнехонько в коньячную лужицу, произведя громкий влажный шлепок и некрасиво разбрызгав по полу темно-желтую жидкость. В комнате скрипнула половица.

– Алик, ты не спишь? – Обрадовавшись, что могу отдать Лолиту лично в руки хозяину, я толкнула легкую дверь и вошла в комнату.

Сразу же, еще с порога, мне стало ясно, что Алик в самом деле не спит. Но и бодрствующим его никто бы не назвал. Хозяин квартиры был явно мертв, и, судя по размеру кровавого пятна, испортившего красивый светлый палас, причина смерти Дыркина была крайне далека от естественной.

Впрочем, «причина» стояла тут же, рядом с жертвой! Над окровавленным телом склонился невысокий коренастый парень, одетый в черное. Услышав мои слова, он обернулся, и в руке его угрожающе блеснул какой-то инструмент. Я испуганно пискнула и выронила клетку с Лолитой. Крыса тоже пискнула, дверца клетки от удара распахнулась, и Лола дернула за порог – назад, в прихожую. Мне очень хотелось последовать ее примеру, но ноги с перепугу налились свинцовой тяжестью.

«Все, сейчас он и меня зарежет, как бедного Алика!» – эта мысль мелькнула в моем мозгу, как крыса, удирающая с

тонущего корабля.

Убийца, выпрямился, сделал шаг в мою сторону, и я в полной мере почувствовала себя жертвенной овечкой. Наверное, именно поэтому вытаращила глаза, как баран, и за какие-то секунды превосходно рассмотрела парня в черном.

У него была совершенно уголовная внешность! Низкий скошенный лоб как-то незаметно переходил в бритую голову и могучий, как у бизона, загривок. Глубоко посаженные глазки затеняли выпуклые надбровья, крупные ноздри раздувались, отчего весь нос подергивался, как плохо пришитая пуговица. Длинный рот кривился в пугающей усмешке, а массивный подбородок выпирал вперед, как подводная часть ледокола. Руки, ниже коротких рукавов черной майки густо покрытые рыжей шерстью, свисали почти до колен, и над волосатыми пальцами, сжимавшими нож, синели буквы: «Лева». Татуировка! Ну, точно, уголовник!

Черный «Лева» придвинулся ко мне еще на шаг, и тут в подъезде раздался оглушительный, какой-то нечеловеческий визг. Убийца дернулся, одним большим прыжком переместился к двери, ведущей на балкон, распахнул ее, сорвав с крючков занавеску... и через секунду я осталась в чужой квартире тет-а-тет с трупом.

На лестнице продолжали визжать, словно там работал лесопильный станок на высоких оборотах.

– Лолита! – почти с нежностью выдохнула я, смекнув, кому обязана своим спасением от убийцы.

Три шага – и я оказалась на лестничной площадке в компании с другими жильцами, привлеченными диким шумом. Непрерывный визг издавала толстуха Клавдия, сожительница Василия Ижицина. Растопырившись морской звездой, габаритная баба стояла на подоконнике, а Вася с лестничной площадки протягивал к ней руки, в замке которых трепыхалась Лолита, и успокаивающе приговаривал:

– Ну, Клавка, ты глянь, какая она маленькая! Хорошенькая, пестренькая, прям, хомяк с хвостиком!

В другое время я не преминула бы полюбоваться этой сценой, но сейчас мне было не до увеселений. Я прошла в свою квартиру, плотно прикрыла входную дверь, чтобы не слышать Клавкиного визга, и без колебаний сняла трубку телефона. Ясно было, что нужно немедленно сообщить об убийстве Алика Дыркина в милицию, но звонить 02 мне и в голову не пришло. Вместо этого я набрала номер мобильного Сереги Лазарчука и сказала:

– Серый, вы с Петей далеко ушли?

– Стоим на остановке, ждем трамвая. А что?

– Возвращайтесь, – попросила я. – Тут у нас убийство. Соседа моего зарезали, а я нашла труп и спугнула убийцу.

– Вернее, труп нашла я, а убийцу спугнула Лола, – давала я показания минут через двадцать.

– Где она? – Лазарчук огляделся.

– Лолита? У Ижициных, наверное, – машинально ответи-

ла я. – Я видела, Васька ее поймал.

– Давай Лолиту сюда, допросим и ее тоже, – велел капитан своему адъютанту Петьке.

– Петя, погоди! – крикнула я вслед уже исчезающему стажеру. – Не надо тащить сюда Лолиту!

– Надо, – оборвал меня Лазарчук. – Она тоже свидетель.

Несмотря на серьезность всего случившегося, я не удержалась от улыбки, но не стала раньше времени разочаровывать сыщиков. Они так долго и бесцеремонно вытряхивали из меня все подробности моего визита в квартиру убитого Алика, что мне даже стало интересно: а не знают ли Лазарчук со товарищи какой-нибудь действенный способ допрашивать и бессловесных тварей? Хотя, я думаю, показания крыс судом не принимаются...

Расстаться с сыщиками мне удалось только ближе к полудню. Трагические события утра меня измотали, и я уже не раз пожалела, что выпросила себе на сегодня отгул. Пошла бы на работу, и убитого Алика обнаружил бы кто-нибудь другой. Впрочем, Дыркин жил один, приходящая домработница появлялась у него раз в неделю. Так что, может, и неплохо, что я заглянула к нему нынче утром. Страшно представить, что мертвое тело в луже крови лежало бы по соседству с моей собственной квартирой пару-тройку дней!

С этими невеселыми мыслями я некоторое время неприкаянно слонялась по квартире не в силах себя чем-то занять и отвлечь. Потом не выдержала и позвонила Ирке.

– А у нас ЧП, – поспешила я сообщить ей.

Ирка – это моя лучшая и единственная подруга. Она мне даже ближе, чем кровная родня. Сестра по разуму!

– Нет, не одно ЧП, а целая серия. Во-первых, ночью какой-то идиот позвонил в милицию и сообщил, что наш дом заминирован. Прискакала вся ментовская кавалерия, жильцов выгнали из дома, а бомбы вовсе и не было! Вот свинство, да? – пожаловалась я.

– Если бы бомба была, это было бы еще большее свинство! – рассудительно заметила подруга.

– Тут ты права, – согласилась я. – Но эпизод с ложной бомбой – это не худшее, что случилось минувшей ночью. Представляешь, убили нашего соседа, Алика Дыркина!

– Как убили?! – ахнула Ирка.

– Жутко! Перерезали бедняге горло, когда он спал.

– Кошмар! – искренне ужаснулась подруга. – А кто его так?

– Хочешь получить словесный портрет убийцы? Пожалуйста. Я его с утра пораньше уже дважды рисовала. Предполагаемый убийца Алика – невысокий коренастый мужик самого уголовного вида, с бритой под машинку головой, низким морщинистым лбом и носом пуговкой. А еще у него противные волосатые пальцы.

– На руках? – зачем-то уточнила Ирка.

– Ноги его я не рассматривала. Он был в обуви!

– Погоди-ка... Так ты, выходит, видела убийцу?!

– Разумеется, видела! Иначе откуда я знала бы, как он выглядит?

Захлебываясь словами, я рассказала ахающей и охающей подруге, как застучала низколобого мужика с волосатыми пальцами у смертного ложа несчастного Дыркина.

– Жалко Алика, молодой еще был, – вздохнула Ирка, которая была знакома с моим покойным соседом и явно симпатизировала ему.

– Жалко, – согласилась я. – Но я всегда подозревала, что он плохо кончит.

– Это почему же?

– Он пил, – напомнила я.

– Да, пьянство до добра не доводит, – согласилась Ирка. – Вот был парень – и нет парня...

– И лошади нашей больше нет, – вспомнила я. – У нас ведь, Ирка, нынче ночью еще и лошадь погибла!

– Лошадь погибла? – осторожно повторила подруга. – А с ней что случилось? Тоже пила?

– С чего это ты взяла? – удивилась я.

– Ну, говорят же в народе: «Пьет, как лошадь...»

– Наша не пила!

– Может, курила? – продолжала фантазировать Ирка.

– Да с какой стати?!

– Ну, говорят же, что капля никотина убивает лошадь.

– Обалдеть можно, как много ты знаешь о жизни и быте лошадей! – рассердилась я. – Вы с Моржиком, часом, не

сменили род занятий? Может, вы уже не семенами торгуете, а занимаетесь разведением крупного копытного скота?

– Да ладно тебе! Все мои знания о лошадях проистекают из русского фольклора, – добродушно ответила подруга.

– Тогда не болтай попусту. Потому что наша лошадь была зеброй, а знаниями о ней тебя мог бы снабдить только африканский фольклор! – победно заключила я. – Говорю тебе, эта лошадь не пила, не курила, но умерла тоже насильственной смертью. Ее Ослик раздавил.

Ирка немного помолчала, очевидно, с трудом усваивая полученную информацию.

– И кто из нас после этого животновод? – с укором сказала она после затяжной паузы. – Ты что же, хотела скрестить лошадь с ослом? И спаривала их прямо у себя в квартире?!

– Тьфу, Ирка, ты ничего не поняла! – сообразила я, что упоминанием прозвища Аслана Буряка невольно ввела подругу в заблуждение. – Забудь про осла – на нашу лошадь свалился Буряк. Он, конечно, не гигант, но килограммов шестьдесят в нем есть...

– Ничего себе, не гигант! – перебила меня впечатлившаяся Ирка. – Один корнеплод весит шестьдесят кило?! Вот и считай после этого сказкой фольклорную историю про репку! Знаешь, у меня в магазине продаются семена голландского гибрида «Гулливер», так вот эти свеколки «вытягивают» на пару кило каждая. Но буряк весом в четыре пуда – это просто фантастика! Где ты взяла такое чудо? Я хочу по-

лучить его семена!

– Чудо работает со мной в одном коллективе и, кстати, готово делиться своими семенами со всеми особями женского пола без разбору! – захохотала я. – Аслан Буряк – наш главный редактор. Вернее, и.о.

– А ну ио! Вернее, его! – Ирка наконец поняла, что к чему. – Давай сменим тему, поговорим о приятном? Ты знаешь, что возле парка открылась новая кондитерская? Пирожные там – ум-м-м! Пальчики оближешь, язык проглотишь!

– Так давай прямо сейчас оближем и проглотим! – оживилась я. – У меня сегодня отгул, так что до вечера я совершенно свободна. Только должна еще купить Масе новую лошадь. Давай посидим в кондитерской, а потом ты поможешь мне приобрести скакуна.

На том мы и порешили, договорились встретиться у меня через полчаса и закончили телефонный разговор. Настроение мое заметно улучшилось. Перспектива повидаться с подругой и полакомиться вкусенькими пирожными отчасти примирила меня с суровой действительностью, в которой ежедневно и еженощно гибнут люди и лошади.

Ирка пришла, когда я от нечего делать смотрела местные новости производства своей родной телекомпании, хохоча и матерясь попеременно.

Вадик с Асланом расстарались, сляпали на диво разве-

сельный репортаж о нашем ночном переполохе. В пересказе Ослика ИО события минувшей ночи выглядели натуральным водевилем, а манера изложения сильно напоминала знаменитый детский стишок. Текстовка к сюжету звучала примерно так:

Вот дом, который построил ЖЭК.
А вот чемоданец,
Который оставил какой-то засранец
В доме, который построил ЖЭК.

А вот заполошная глупая тетка,
Гулявшая сдуру в подъезде в потемках
И наступившая на чемоданец,
Который оставил какой-то засранец
В доме, который построил ЖЭК.

А это спецслужбы тупые, но бдительные,
Примчавшие действовать незамедлительно
По вызову глупой встревоженной тетки,
Зачем-то шнырявшей в подъезде в потемках
И наступившей на чемоданец,
Который оставил какой-то засранец
В доме, который построил ЖЭК.

А это жильцы в состоянии ужаса,
Безжалостно в самую полночь разбуженные
Спецслужбами, до одурения бдительными,

Примчавшими действовать незамедлительно
По вызову глупой встревоженной тетки,
Зачем-то шнырявшей в подъезде в потемках
И наступившей на чемоданец,
Который оставил какой-то засранец
В доме, который построил ЖЭК.

В роли «жильцов в состоянии ужаса» я, между прочим, увидела на экране и саму себя, и Коляна с завернутым в одеяло Масынькой, и пенсионеров Крутиковых с их внучкой, песиком и котиком. Семейству Крутиковых не хватало до комплекта только крысы Лолиты, чтобы образовать полноценную актерскую труппу для инсценировки популярной сказки про репку. Очень эффектно смотрелась в кадре подружка покойного Алика Дыркина – высокая, атлетически сложенная девица в тугих джинсах и кружевном бюстгальтере, с избытком заполненным крепкой молодой грудью, на которой уютно покоилась лохматая голова нетранспортабельного Алика. Держа своего снулого кавалера под мышкой, мускулистая бодибилдерша в дезабилье эффектно продефилировала перед камерой, и ушлый Вадик не упустил возможности сделать пару весьма эротичных крупных планов.

Оператор снял и шарики, которые спасли из плена бесхозного чемодана отважные представители спецслужб. Дотошный Ослик не поленился под утро позвонить в ГУВД и выяснил, что шары были наполнены вовсе не зарином, а обычным гелием.

Рассмотрев на шариках логотип – стилизованное изображение летящей ласточки, я догадалась, что чемодан, из-за которого поднялась такая суматоха, вероятно, принадлежал Дыркину. Алик работал в туристической фирме «Ласточка», фирменный логотип которой был мне хорошо знаком: в прошлом году я ваяла для этой конторы небольшой рекламный ролик. Только тут я вспомнила, что в ближайшие выходные Алик звал нас на шашлыки по поводу своего дня рождения. Так-так... Вчера, значит, Дыркин праздновал его на работе, а потом тет-а-тет с той самой мускулистой девицей... С ума сойти, выходит, что парень умер в собственный день рождения! Не весело, мягко говоря.

– Что за фигню ты смотришь? – вместо приветствия спросила Ирка, влетая в мою квартиру, как торпеда.

Из прихожей она безостановочно проследовала в комнату и с разбегу упала на диван.

– За тобой гонятся? – спросила я, своевременно отодвигаясь в уголок, чтобы подруга меня не придавила.

Ирка весит ровно сто кило. Причем этот вес она считает идеальным и очень им гордится. Ее любящий муж величает супругу «мое золотко» и пребывает в непреходящем восторге от того, сколь велик его персональный золотой запас. А еще Моржик называет Ирку «заинькой» и «птичкой», что очень трогательно и столь же смешно, если попытаться вообразить себе крольчиху или синичку весом в центнер. Как говорится в известном анекдоте, хорошо, что такие птички

не летают...

– Никто за мной не гонится, я просто торопилась, чтобы успеть к началу своей любимой передачи, – ответила Ирка, торопливо щелкая кнопками пульта. – Если ты не возражаешь, мы с тобой пойдем дегустировать пирожные после просмотра, ага?

– Угу, – буркнула я, понимая, что даже появившись у меня возражения, они не будут услышаны.

Ирка – великолепный экземпляр Телезрителя Обыкновенного Среднестатистического. Она с наслаждением смотрит именно те передачи, которые пользуются популярностью у аудитории в целом. Не нужно проводить никаких соцопросов – достаточно поинтересоваться мнением Ирки, и можно с уверенностью составлять рейтинги телепрограмм!

– Что смотрим? – зевнув, поинтересовалась я.

На экране мельтешила безвкусная пестрая заставка: в светящихся геометрических формах угадывались пятиконечные звезды и концентрические круги мишени.

– «Фабрику героев», – ответила подруга, сбрасывая туфли, чтобы залезть на диван с ногами.

– Что за фигню ты смотришь! – не удержавшись от комментария, повторила я недавнюю реплику подруги.

– Ты что? Классное шоу, просто суперовская программа! Лучшая из того, что делается на местном телевидении! – не согласилась Ирка.

Я молча проглотила нелестную оценку своей собственной

работы на городском новостном канале.

– Десять участников – мужики, бабы и даже одна старушенция Мафусаиловых лет – оспаривают друг у друга титул «Герой месяца» и прилегающий к нему денежный приз, – продолжала восторгаться интригой «классного шоу» моя подруга – Телезрителюс Вульгарис.

– И что нужно делать, чтобы стать этим месячным героем? – лениво любопытствовала я.

– Ясно что: героически проявлять себя в экстремальных ситуациях!

Сразу после начальной заставки пошел коварно подмонтированный к ней затяжной рекламный блок, и Ирка позволила себя отвлечься от экрана, чтобы просветить меня:

– Представь: этих соискателей неожиданно для них самих ставят в сложную жизненную ситуацию и скрытой камерой снимают их реакцию. Потом по телевизору показывают сделанную запись, и зрители оценивают, как вел себя испытуемый: как герой или как последнее дерьмо.

– Небось сплошные подставы, – пожалала я плечами. – Я-то знаю, как это делается на телевидении! Написали сценарий, отрепетировали, отсняли пару-тройку дублей, потом грамотно смонтировали – и оп-ля, экспромт готов.

– Да ни фигя подобного! – обиделась за создателей любимого шоу Ирка. – Я тоже в курсе того, как это делается. Если хочешь знать, я сама пыталась пройти предварительный отбор для участия в передаче. Уверяю тебя: никакого сцена-

рия мне никто не давал. Просто велели стоять ровно в полдень на углу Наждачной и Большевицкой в рыжем парике и с пухлой сумкой на плече. Парик и сумку дали.

– И что? – мне уже было интересно.

– И ничего, – сокрушенно вздохнула подруга. – Пока я топталась на углу, подлетел ко мне сзади какой-то шпендик на мопеде, сдернул с плеча ту самую сумку и укатил в голубую загазованную даль.

– А ты? – я уже смеялась.

– А я осталась стоять, как придорожный столб! Потом-то мне объяснили, что нужно было предпринять героические усилия для возвращения сумки и задержания воришки. Мол, если бы я оглушила воругу диким ором или, к примеру, сбросила бы к чертовой матери свои каблуки и со всей силы запустила одной тувелькой сорок первого размера в спину удаляющегося грабителя, то прошла бы кастинг милым делом. Кстати, мне сказали, что на этот случай у парня, исполнявшего роль грабителя, на спине под курткой был привязан металлический поднос.

– Ирка, знаешь, что смешнее всего? Что ты ведь на самом деле однажды героически задержала воришку на мопеде! Только в роли дуры на тротуаре тогда была я, – откровенно захохотала я, – а ты красиво подрезала его на своей «шестерке» и на раз произвела отъем моей собственности. Помнишь?

– Ну, на этот раз я, во-первых, была без машины, а во-

вторых, меня здорово смущала мысль о том, что кто-то снимает все происходящее. Я пыталась найти взглядом скрытую камеру и потеряла время.

– Наверное, ты не хотела поворачиваться к камере задом? – обидно веселилась я. – Хотела сняться в наиболее выигрышном ракурсе?

– Цыц! – гаркнула подруга. – Смотри, начинается!

Я послушно посмотрела на экран. Долговязая девица, похожая на жирафу с ненормально длинной обесцвеченной гривой, комментировала задание, полученное участником игры по прозвищу Зверь.

По замыслу организаторов шоу, это несчастное животное должно было в назначенный день и час подняться на лифте на верхний этаж девятиэтажного жилого дома, имея при себе эластичную веревку. Поскольку затейники заранее сообщили подопытному Зверю условное название операции – «Падение», можно было догадаться, к чему бедняга готовился. Наверное, предполагал, что ему придется выбрасываться из окна высотки на манер тех любителей экстрима, которые сигают с мостов, привязав к ногам резиновый канат.

На самом деле падение, уготованное Зверю, было моральным. Следом за ним в лифт шмыгнула юная особа в коротком кожаном пальто и высоких сапогах на пятидюймовых каблуках. Как только лифт тронулся, разбитная деваха сбросила свою кожанку на пол и рухнула на нее, гостеприимно разведя ноги ножницами и сладострастно облизывая гу-

сто накрашенные губы. Бедолага Зверь, оказавшийся сутулым очкариком в тренировочных штанах и свитере под горло, явно не был готов к такому испытанию. Думаю, он так серьезно настроился на полет с двадцатиметровой высоты, что заметил акробатические этюды развратной особы только к третьему этажу и вплоть до восьмого тупо таращился на голый девичий живот с пирсингом в пупке, нервно теребя свернутую в бухту веревку на плече. Камера, спрятанная за дыркой, изобретательно прожженной в пластиковой стене кабины, бесстрастно фиксировала происходящее. На девятом этаже двери лифта открылись, и за ними обнаружались вторая камера и съемочная группа, участники которой несчастного Зверя безжалостно освистали. Судя по моей подруге, телезрители должны были отреагировать аналогично.

– Да уж, Зверь! – обидно потешалась Ирка. – Суслик плешистый, бурундук очкастый! Тоже мне, в герои полез!

– А что, по-твоему, он должен был сделать, чтобы соответствовать званию героя? – поинтересовалась я.

– Здравсте! – всплеснула руками подруга. – Ясно, что! Наброситься на эту шалаву, как настоящий мужик!

– Порнография запрещена к показу на телевидении! – напомнила я.

– Да кто говорит о порнографии? Никто ведь не ждал, что он овладеет этой бабой за двадцать секунд движения лифта! Надо было просто подыграть ей.

– Как?!

– Ну, я не знаю... Сорвать с себя свитер, эротично пощупать девицу за мягкое место... Может быть, связать ее в ходе веселой сексуальной игры... Зря, что ли, ему веревку дали!

– Бедный мужик! – посочувствовала я бедолаге Зверю, поднимаясь с дивана. – Кофе будешь?

– Кофе будем пить в кондитерской, – напомнила Ирка. – С пирожными. Ты не хочешь посмотреть следующий сюжет?

– Нет, спасибо!

Пока подруга наслаждалась просмотром любимой передачи, я приготовила фарш для вечерних котлет, прикинув, что пожарю их уже перед ужином.

Ирка добросовестно досмотрела шоу «Фабрика героев» до самого конца и осталась очень довольна тем, что действующие лица трех из пяти дежурных сюжетов показали себя тупицами и слабаками. Более или менее героически выглядела как раз та самая древняя старушенция, которую организаторы шоу отправили на парковый пруд с бамбуковой удочкой.

На крючок, закинутый бабушкой, спрятавшийся в цветущей воде аквалангист потихоньку нацепил двухметровую резиновую акулу. Поплавок дернулся, старушка грамотно подсекла, аквалангист перерезал веревку с грузом, удерживавшим надутую рыбину под водой, и акула-каракула пугающе выпрыгнула из глубин, показавшись во всей красе, от хвоста до распахнутой пасти с нарисованными, но все равно страшненькими зубами. Мирно гуляющие вокруг пруда граждане

дружно ахнули. А бабуся не растерялась – выхватила у ближайшего пацаненка игрушечный пистолет и трижды пальнула в монстра. Получилось эффектно и эффективно: акула, правда, не пострадала, но зато под выстрел попал аквалангист, неосторожно высунувшийся из воды. Пластмассовая горошина угодила ему прямо в лоб, после чего бедняга нырнул так глубоко и надолго, что это вызвало серьезное беспокойство съемочной группы. Пока организаторы игры озабоченно бегали вокруг пруда, бравая старушенция с помощью удочки выволокла акулу на берег и уселась на резиновую тушу, хохоча с откровенным злорадством.

– Кстати, о надувных игрушках! Надо купить Маше новую зебру, – вспомнила я. – Давай сначала забежим в спорттовары, ладно?

Ирка не возражала, потому что была на машине, так что к «Первому дивизиону» мы подкатили минут через десять после окончания супершоу «Фабрика героев». И тут меня поджидала неприятная неожиданность: оказалось, что все зебры кончились, остались только собаки. Меня долго уговаривали взять какую-то надувную беспородную помесь, но я решительно отказалась. По моему настоянию давешний шустрый продавец отправился на склад, пропадал там битый час, но зато вернулся с охоты на резиновых мустангов с гневной лошадкой, отличающейся от нашей покойной зебры только мастью.

– Мне бы все-таки хотелось полосатую, – протянула я, с

сомнением глядя на шоколадного конька.

– Скажешь ребенку, что полоски отмылись, – предложила Ирка.

– «Попарился Царевич-лошадка в баньке и стал краше прежнего...» – пробормотала я, вспомнив утреннюю сказку, коллективно сочиненную в утешение ребенку. – Нет, я лучше скажу, что лошадка стала коричневой, потому что сильно испачкалась. Маше это понравится, он будет чувствовать в коняге родственную душу.

До пирожных мы добрались только в пятом часу.

– Совсем как англичане, они ведь пьют свой чай как раз в пять часов! – радовалась Ирка, шумно отхлебывая из чашки.

– Файф-о-клок, – кивнула я. – Но англичане только говорят, что они пьют чай, на самом деле они в пять часов плотно кушают.

– Мы тоже будем плотно. – Подруга решительно придвинула к себе блюдо с выпечкой.

И мы стали есть пирожные, запивая их не каким-то там чаем, а горячим шоколадом цвета нашей новой резиновой лошадки, посаженной мной на соседний стул. Лошадиная морда умильно улыбалась, и где-то на пятом пирожном я почувствовала, что ко мне в полной мере вернулся мой природный оптимизм.

– Что может быть лучше, чем файф-о-клок в дружеской компании! – расслабленно воскликнула я, улыбнувшись Ирке и потрепав по холке шоколадную лошадку.

– Разве что тихий вечер у домашнего очага! – подхватила Ирка.

И сглазила!

Мой тихий вечер у домашнего очага ознаменовался затяжным скандалом у соседей. В девятом часу вечера в квартире над нашей поднялись ор и гвалт, сопровождавшиеся детским визгом и небрежно отредактированной мужской руганью. Шумело большое и в данный момент явно не дружное семейство Суньковых.

– Что там происходит? – не выдержала я.

Колян задумчиво поднял глаза к потолку, с которого снежинками осыпалась побелка, и предположил:

– Может, Людмила рожает?

– Ей еще рано, она только на восьмом месяце, – неуверенно возразила я. – Конечно, бурные события минувшей ночи могли вызвать досрочные роды, но я сомневаюсь, что для многодетных Суньковых в этом процессе сохранилась прелесть новизны. Нет, там не рожают. По-моему, наоборот, кто-то кого-то убивает.

Сказав это, я вздрогнула и поежилась. Вспомнила, что одного нашего соседа уже убили!

– О, классическая тема: Василий Суньков-Грозный, убивающий своего сына! – оживился Колян, который ничего не знал о трагической гибели Алика. – С матерным криком: «Я тебя, е-п-р-с-т, породил, я тебя, е-к-л-м-н, и убью!»

Наверху что-то шумно упало, отчего протестующе тренькнули подвески нашей люстры. Мы с Коляном переглянулись. Скандал явно шел по нарастающей и не обещал закончиться в ближайшее время, хотя близилась пора ночного отдыха. Вопли голосистых Суньковых помешают уснуть Масыньке, и это будет очень обидно, потому что малыш весь вечер добросовестнейшим образом объезжал своего нового скакуна, устал и уже зевал во весь ротик. Мы с мужем начали даже надеяться, что сегодня мне не придется укачивать ребенка, а Колян – исполнять колыбельные песни в стиле рэп, что Масыя уснет сам, без всякой убаюкивающей программы, и тогда папа и мама тоже смогут пораньше отправиться на боковую.

– Пойду-ка я узнаю, что там происходит, – Колян кивнул на потолок и встал с дивана перед телевизором.

– Лучше я!

– Почему это ты лучше? – Муж немного обиделся.

– Потому что дипломатичнее! – с намеком сказала я.

Колян стушевался. Только на прошлой неделе он бестактно вмешался в педагогический процесс, который Василий Суньков осуществлял в отношении старшего сына.

Оболтус Сашка в очередной раз отличился, метнув под лавочку, на которой мирно восседала пенсионерка Крутикова, самодельный взрывпакет. Магниевая бомбочка рванула что надо, к бабушке Крутиковой пришлось вызывать «Скорую». Скорой была и расправа Сунькова-отца над Сунько-

вым-сыном. Пока медики откачивали полумертвую от страха старушку, Василий пытался вернуть к жизни Сашкину совесть. В качестве реанимационного оборудования использовался старомодный, но эффективный прибор – обычный ремень с литой пряжкой. Суньков-старший тут же, во дворе, выдернул его из штанов, отчего те начали предательски сползать, так что Василий вынужден был ограничить воспитательное воздействие одной правой рукой. Левой он удерживал одновременно и штаны, и Сашку.

Колян, подошедший к дому в разгар показательной порки, проявил солидарность с пылающим праведным гневом отцом и доброжелательно посоветовал Сунькову:

– Василий, смени руку, устанешь!

После чего чувствительная Людочка Сунькова не здоровалась с ним три дня.

– Я быстро. А ты пока начинай купать Масю! – сказала я мужу, открывая шкафчик с детскими вещами.

Домашняя ссора, какой бы шумной она ни была, являлась внутренним делом семейства Суньковых, и я понимала, что моему приходу они вряд ли обрадуются. Нужен был приличный повод для визита и одновременно способ задобрить хозяев. Долго думать не пришлось – я давно собиралась отдать Людочке пакет с разнообразными одежками для младенца. Наш Масяня уже прошел ползуночно-распашоночную стадию, и я могла снабдить немалым приданым ожидаемого Суньковыми малыша с порядковым номером шесть.

Заплаканная Людочка приняла мешок с младенческим обмундированием с благодарностью. Багровый от гнева Василий тоже, кажется, обрадовался появлению на сцене нового лица.

– Вот, погляди на этих обормотов! – вскричал он, обращаясь ко мне.

Обормоты – трое старших сыновей – рядком стояли посреди комнаты, опустив головы и сложив руки, как футбольные защитники. На мальчишеских физиономиях изображалось нарочитое смирение.

Из дальнейшего рассказа Василия Сунькова выяснилось, что обормоты опять учудили. Началось с того, что Суньков номер-три нашел где-то опасную бритву и срезал ею оранжевые цветы в частном питомнике, который устроила на общественной клумбе многострадальная бабушка Крутикова. Цветы, чтобы не пропали зря, предприимчивый мальчик отнес учительнице, а бритву у него по пути в школу отнял Суньков номер-два. Впрочем, тот сделать какую-нибудь пакость с применением режущего инструмента не успел, потому как принял предложение старшего брата «махнуть режик на жваку». Початая пачка «Орбита», конечно, была слабой компенсацией за превосходную бритву с ручкой из настоящей черепахи, но коммерческое предложение, сделанное брату Сашкой Суньковым, носило ультимативный характер: или честный обмен, или насильственный отъем. Суньков-второй проявил благоразумие.

Сашка приволок «режик» в школу и с его помощью последовательно совершил несколько отчетливо противоправных действий: вырезал на парте короткое ругательное слово, распорол по экватору политическую карту мира и отчекрыжил ухо чучелу зайца в кабинете природоведения. На стадии старательного препарирования гигантской засушенной бабочки распоясавшегося Сунькова-первого обезоружила бесстрашная учительница биологии. Опасная бритва была конфискована в пользу директора, а Сашка отправлен домой со строгим наказом привести в школу родителей.

Явившаяся на учительский зов Людочка Сунькова с содроганием выслушала леденящую душу историю о зверствах своего старшенького в школьном храме естественных наук и вечером пересказала услышанное вернувшемуся с работы мужу. Даже в сокращенной и максимально смягченной Людочкой версии былинный сказ о подвигах трех Суньковских богатырей вызвал у Василия шквал эмоций. Апофеоза скандал достиг с появлением в квартире Суньковых сотрудников милиции, явившихся, чтобы в присутствии родителей допросить пацанов – опасная бритва с ручкой из черепахи оказалась орудием убийства! Именно ею лишили жизни несчастного Алика Дыркина!

Правда, после того, как бритва побывала в руках мальчишек, никаких других отпечатков на ней не осталось, так что я даже не поняла, откуда стало известно, что именно ею орудовал убийца. К сожалению, Суньков-отец, говоривший

с ментами, не вник в такие подробности, торопясь примерно наказать своих оборотов.

– За такие штучки вас убить мало! – заявил разбойной троице своих сыновей Василий.

Впрочем, голос его был уже почти добродушен. Думаю, Василий просто устал распекать своих оборотов. А может, в глубине души он просто понимал, что особого смысла в этом нет и неугомонных пацанов уже не изменишь: что выросло – то выросло.

Из соображений родительской солидарности я одобрила карательные меры, только попросила Василия привести приговор в исполнение побыстрее, желательно, до двадцати двух часов. Моей просьбе Суньковы вняли, и вскоре после моего ухода из их квартиры там стало тихо, а мое собственное семейство тоже получило возможность спокойно отдохнуть от дневных трудов.

Среда

Утро нового дня подарило мне незабываемое впечатление: проснувшись, я обнаружила, что Масыньки в кровати нет! Запаниковать по этому поводу я не успела, так как ребенок сразу же нашелся – на меховом коврикe под телевизором. Масынька свернулся клубочком и сладко спал, сжимая в кулачке длинный поясok от своего банного халатика. Махровая веревочка охватывала талию резиновой лошадки.

– Малыш ходил в ночное! – захихикал Колян, которого я нарочно растолкала, чтобы он тоже увидел эту сцену. – Похоже, он стерег свою новую лошадку, чтобы она не убежала на лужок!

Согласившись с этой версией, я быстренько сбегала в кухню, взяла в холодильнике веточку петрушки, намазала ее медом и художественно прилепила к лошадиной морде.

– Правильно, – одобрил мои действия муж. – Сделаем вид, что лошадка уже позавтракала. Иначе Масы сразу после пробуждения, пожалуй, погнал бы меня косить траву!

Поднимать спящего малыша с мягкой подстилки в импровизированном лошадином стойле мы не стали, просто накрыли ребенка вместе с его конем одним одеялом, как общей попоной. Подозреваю, что из опасения пропустить ожидаемое бегство лошадки Масынька часть ночи бодрствовал и потому отсыпался утром. Когда в начале девятого, дождав-

шись прихода няни, мы с Колянком убежали на работу, малыш еще спал.

На подходе к зданию телекомпании я пережила еще одно сильное впечатление. На сей раз неприятное: меня едва не снес с тротуара сворачивающий во двор автомобиль. К дверям нашей конторы я подошла на ватных ногах, и только это обстоятельство помешало мне мстительно пнуть серебряное крыло припарковавшегося поперек тротуара «Порше». Ну, что за автомобильно-безграмотная сволочь водит такую красивую и дорогую машину, как дорожный каток?!

Задаваясь этим вопросом и мелко подрагивая коленками, я поднялась по лестнице, ведущей на второй этаж, в нашу телекомпанию. Коротко кивнула бабке-вахтерше, которая даже не заметила моего появления, потому как была всецело занята изготовлением с помощью вязальных спиц очередного шерстяного носка. Чулочко-носочное изделие было необычайно длинным и далеко не первым в серии аналогичных. Бабка приступила к вязанию еще в середине августа. С тех пор, если только она не распускала едва связанные изделия, трудолюбивая мастерица свободно могла обеспечить шерстяными чулочками многодетное семейство осьминогов.

– Кого я вижу! – воскликнул Аслан Буряк, едва я появилась на пороге редакторской.

Ослик поднялся из-за стола, за которым строчил ручкой по бумаге, игнорируя вполне современный компьютер, и широко раскинул руки, сделавшись похожим на большую бук-

ву Т. Приняв таким образом исходное положение для исполнения оперной арии, он набрал воздуха в грудь и пугающе пророкотал:

– «Ледяной горо-ою айсберг из тумана выполза-ает»!

– Выплывает, – деликатно поправил его мужской голос, прозвучавший за моей спиной.

Я обернулась и поняла, что песенное приветствие и широко распахнутые объятия Ослика ИО предназначались не мне. «Айсбергом», появление которого в наших внутренних водах так обрадовало Ослика, оказался Борис Борисов по прозвищу Гиперборей.

Если я не ошибаюсь, в древнегреческой мифологии Борей – это был северный ветер. Во внешности Бори и впрямь наблюдалось нечто арктическое. У Борисова были бледно-серые, почти прозрачные глаза, очень светлые волосы, мелированные холодными голубыми и серебристыми перышками, и телосложение викинга. Нордический характер Гиперборей проявлялся в стойкости и упорстве, которые он демонстрировал в борьбе с рекламодателями. Будучи коммерческим агентом сразу нескольких городских телекомпаний, Гиперборей считал денежных клиентов студий неким гибридом классового врага и дойной коровы, поэтому попеременно то душил их расценками, то прикармливал скидками и в результате получал если не молочные реки, то весьма ощутимые финансовые потоки. У руководства нашей телекомпании Борисов стойко ассоциировался с деньгами, поэтому

встречали его всегда необычайно тепло.

Обойдя растопырившегося в углу Ослика, хладнокровный Гиперборей размеренно прошагал к гостевому дивану, сел на него, аккуратно положил на колени плоский портфель и неожиданно задорно подмигнул мне:

– Привет, Елена! Слыхала новость?

– Зачем мне слушать новости? Я сама их рассказываю, – пожав плечами, я прошла к своему столу и села. – Ты не забыл? Я же работаю в службе новостей.

– Значит, ты уже знаешь, что Носорога забрали?

Носорогом в наших кругах называют местного воротилу шоу-бизнеса Никиту Станиславовича Рогова. Подписывая документы, он имеет привычку выводить крупными печатными буквами: «Н.С. РОГОВ», что в устной речи естественно превратилось в «Носорогов», а потом еще немного сократилось. Так получился «Носорог».

– Куда же его забрали и кто? – поинтересовалась я просто из вежливости, чтобы поддержать разговор.

– Инопланетяне! – азартно предположил Вадик, которого я сначала не заметила, потому что он завалился в глубокое кресло в плохо освещенном углу просторной комнаты. – Или гости из будущего! У них там, в светлом завтра, акулы шоу-бизнеса вымерли как вид, и они утащили нашего Носорога как типичный экземпляр. Теперь будут размножать его методом клонирования.

– Или препарируют и сделают чучело, – сказала я, при

упоминании о процессе размножения вспомнив многодетное семейство Суньковых и вчерашнюю историю с бритвой.

– Ставлю на версию номер два! – поднял палец Гиперборей.

– Присоединяюсь! – тут же сказал Ослик ИО.

– Кажется, Аслан убежден, что ты не бросаешь деньги на ветер, – сказала я Борису.

– На северный ветер! – поддакнул Вадик, намекая на Борино прозвище.

Гиперборей не обратил внимания на насмешку. Он внимательно глянул на Буряка:

– Ты уже слышал, да?

Ослик сделал загадочное лицо и промолчал.

– Носорога арестовали, – сказал Борисов.

– Не иначе, за финансовые махинации? – оживился Вадик.

– Ах, если бы! – махнул рукой Гиперборей, по роду занятий не чуждый финансовых махинаций и явно считающий их пустяком, не заслуживающим внимания стражей закона. – Нет, тут дело серьезное. Носорог убил любовника своей жены.

– Забодал?! – восторженно ахнул клоун Вадик.

– Затоптал, – в тон предположила я.

– Зар-резал, – шокируя публику, с нажимом сказал Гиперборей.

– Вах! – шумно всплеснул кавказскими корнями впечат-

лительный Аслан Буряк.

– Да не просто зарезал, а буквально располосовал парню горло, чуть голову не отхватил! – нагнетал ужасу Борис.

В дверях что-то зашуршало, я поспешно обернулась. В щели приоткрытой двери торчала голова. Я ахнула, голова моргнула и произнесла голосом бабки-вахтерши, по совместительству – офисной «девочки на побегушках»:

– Елена, выдь из кабинета, ходь к директору!

– Я бы даже сказал, не просто ходь, а бегь и скачь! – подняв палец, поторопил меня Вадик.

Я выбралась из-за стола и прошла в кабинет нашего директора. Алексей Иванович быстренько свернул пасьянс на мониторе компьютера и спросил точь-в-точь, как недавно Гиперборей:

– Елена, слыхала новость? Рогов-то, а?..

– Арестован за убийство любовника своей жены, – продемонстрировала я похвальную осведомленность.

– Давай, срочно готовь репортаж в «Крим-инфо». Эта новость очень заинтересует наших телезрителей, – распорядился шеф.

– А также клиентов, рекламодателей и спонсоров конкурентной нам Роговской телекомпании, – проницательно заметила я.

– Соображаешь, – похвалил меня директор. И кровожадно оскалился: – Надо быстренько объяснить всем денежным мешкам, что Носорог отныне труп, а его ТВ – бесплодная

пустыня!

– И мы выступим в социально полезной роли санитаров пустыни – стервятников?

Эта моя реплика начальству уже не понравилась. Шеф велел мне не скалить понапрасну ядовитые зубы, а побереечь их для сюжета и отпустил работать. Нехотя, нога за ногу, я поплелась обратно, в редакторскую, надеясь, что Гиперборей еще не ушел, и я вытрясу из него какие-нибудь подробности скандальной истории с Носорогом-убийцей.

К сожалению, Вадик и Аслан в кабинете все еще были, а вот Борисов на мягком редакционном диване уже не сидел. Очевидно, сплетник Гиперборей унесся на крыльях родственного ему ветра разносить слух о случившемся по всем массмедиа города.

Я села за стол, положила перед собой чистый лист бумаги, ручку и стала думать. С чего начать работу над криминальным репортажем? Раз Рогов арестован – значит, есть уголовное дело. Но следователь, который его ведет, на данном этапе наверняка не будет делиться информацией со СМИ. Или будет? У кого бы узнать?

Я позвонила компетентному лицу и прямо спросила:

– Серега, говорят, вы взяли Носорога?

– Ты меня ни с кем не путаешь? – дурашливо протянул капитан Лазарчук. – Я вроде не из африканского племени. А ты, что ни день, донимаешь меня историями с экзотической живностью: то у тебя зебра погибла, то носорог пропал...

– Серега, не придуривайся! Носорог – это Никита Рогов, которого обвиняют в убийстве.

– Подозревают, – поправил меня сыщик.

– Видно, очень сильно подозревают, если уже арестовали? – подначила приятеля я, надеясь, что капитан разгорячится и выболтает какую-нибудь оперативную информацию.

Но сыщик остался огорчительно спокоен.

– Тебе-то что? Опять приключений ищешь?

– Да не нужны мне никакие приключения! Мне просто велено сделать криминальный репортаж, а я не знаю, с какого бока начинать, – призналась я.

– Лучше сбоку и закончи, – посоветовал Лазарчук. – Держись-ка ты в стороне от этого дела, целее будешь!

Серега отключился, а я осталась сидеть, глядя на размеренно гудящую телефонную трубку с нарастающим возмущением. Я не поняла... он что, угрожал мне?!

В сердцах я шмякнула трубку на рычаг, взяла ручку и размашисто начертала на белом листе: «Лазарчук – дурак!» Потом скомкала испорченную бумажку, зашвырнула ее в урну, мелко постучала кулачками по столешнице и громко сказала:

– Опять двадцать пять!

– Что ты говоришь? Доллар снова упал?! – неправильно истолковав мою реплику, встрепенулся Ослик ИО.

– Или ты поменяла паспорт, подделав свой возраст? – гримасничая, засмеялся Вадик.

– Вадик – дурак! – обиженно буркнула я. – Ну, чего ты ржешь, как лошадь, хохочешь, как гиена, и кривляешься, как обезьяна?!

– Я смотрю, ты уже вжилась в систему образов! – пуще прежнего развеселился Вадик. – Гиены, обезьяны, лошади...

– Все, кончай балаган! – сердито заявила я. – Бери камеру и все остальное, поедem разбираться с Носорогом. Тьфу ты, с Роговым.

– На сафари, на сафари! – приплясывая, оператор выдвинулся из редакторской.

Невольнo улыбнувшись, я покачала головой: с нашей работой и с нашими ребятами не соскучишься!

Я ошиблась: скучать в компании Вадика и водителя Саши мне пришлось минут сорок, не меньше. Все это время мы с Вадиком сидели в засаде у дома Носорога – прятались под плакучей ивушкой. Дерево чудом уцелело в ходе масштабных строительных работ, превративших угловую трехкомнатную хрущевку на первом этаже стандартной кирпичной пятиэтажки в просторные двухуровневые апартаменты с балконом. Разбогатеv, Носорог не купил новую квартиру в элитном доме, а просто присобачил к своей «трешке» здоровенную пристройку, с торца здания превращающуюся в трехметровый каменный забор. За оградой помещался маленький аккуратный садик с пестрыми осенними цветами, полюбоваться которыми с улицы можно было только в щелочку под калиткой. Должно быть, со стороны подъезда дверь

в обновленную квартиру Рогова была замурована, попасть в обособленное жилище можно было лишь через упомянутую калитку. К сожалению, она была заперта – мы проверяли.

А еще мы долго и усердно звонили в звонок, стучали в калитку и призывали хозяев криками. Но так ничего и не добились. Апартаменты производили впечатление необитаемых. Тогда мы пошли на хитрость: демонстративно погрузились в служебную машину с табличкой «Телевидение» и велели водителю Саше отъехать за угол.

– И, если можно, погромче рычи мотором! – попросила я Сашу, уже из машины всматриваясь в окна роговских хором. В одном из окон дрогнули пластины жалюзи.

– Погромче – это только если вы присоединитесь, – буркнул Саша.

Я не приняла шутку. Вадик тоже. Поэтому мы оба старательно зарычали, сделавшись похожими на сердитых Топтыгиных из сказки «Три медведя». Окна в машине были открыты, так что рев мотора с помощью наших голосов, несомненно, усилился.

– А теперь, когда все видели, что мы уехали, побежим обратно! – велела я Вадику. – Если будем красться под стеночкой, из дома нас не разглядят.

Оставив Сашу с машиной за углом, мы с оператором шустро шмыгнули в клумбу у забора и прислонились спинами к стволу благословенной ивушки. Занавес зеленых ветвей прекрасно скрывал нас от посторонних взглядов. Прав-

да, ивовая штора сильно мешала и нам.

Машину, которая выкатилась из подземного гаража в подвальной части пристройки, я заметила с некоторым опозданием – когда транспорт уже переваливался на проезжую часть. К счастью, на краю тротуара синяя «Вольво» остановилась. Водителю – вернее, водительнице – нужно было закрыть за собой ворота гаража. При этом красotka в дорогих одеждах, даже на расстоянии благоухающая французским парфюмом, повернулась к ивушке спиной и дала нам возможность незаметно выбраться из укрытия.

– Бегом к Сашке! – велела я Вадику. – Сядем на хвост «Вольво».

– А зачем? – спросил меня оператор уже на бегу.

– Затем, что рано или поздно машина где-нибудь остановится, и тогда у нас будет возможность поиграть в папарацци. Кроме того, мне просто интересно, куда катит Прекрасная Елена.

Мне казалось вполне уместным назвать именем красотки, из-за которой разразилась кровопролитная Троянская война, женщину, любовь которой свела в могилу одного мужчину и посадила на нары другого. А кстати, супругу Рогова действительно звали Еленой. Эту информацию я без труда получила у секретарши в офисе Носорога. Там же я разжилась и адресом Никиты Станиславовича. Конечно, сам Носорог сейчас обретался в изоляторе временного содержания, но жена его оставалась дома.

По словам все той же хорошо осведомленной секретарши, из посторонних в дом Роговых по будням приходила экономка и дважды в неделю – садовник. Поскольку в роли экономки я видела исключительно харизматическую личность типа Фрекен Бок, а садовник мне представлялся милым дедушкой в широкополой соломенной шляпе, я ни на секунду не усомнилась, что эффектная молодая дама на «Вольво» – это жена Рогова.

Наша красная «шестерка» прицепилась к «Вольво», как слоненок к хвосту матери, и минут пятнадцать мы катались по городу, точно паровозик из Ромашкина – весело и без явной цели. Потом «Вольво» занесло на кривую улочку с односторонним движением, и тут я воскликнула:

– Оп-ля! Вадик, хватай камеру, и побежали! Саша, продолжай преследование, скоро встретимся!

– Каким это образом мы с ним встретимся, если сейчас расстанемся? – не удержался от вопроса Вадик.

Впрочем, беседовали мы уже на бегу. Я деловито нырнула в проходной двор, и оператор дисциплинированно последовал за мной.

– Очень просто! – тяжело дыша, я остановилась на краю тротуара. – Пешим марш-броском мы с тобой срезали петлю, которую делает улица. Наша «шестерка» и роговская «Вольво» повернут направо и покатают прямо на нас.

– И не только на нас! – заметил Вадик, внимательно посмотрев на придорожную ивушку – близняшку той плакучей

зеленой красавицы, под которой мы прятались у дома Роговых.

Из-под водопада ветвей предательски торчала морда патрульки ГИБДД.

– То, что надо! – обрадовалась я. – Двигай за мной!

Заслышав наш дружный топот, инспектор дорожного движения поспешно обернулся. Камера в руках у Вадика заставила его удержаться от непечатных выражений.

– Извините, напугали вас, – лягнула я.

Тут же сообразила, что выставила инспектора трусом и он может обидеться, поэтому поспешила загладить оплошность.

– Товарищ генерал! – сказала я, самовольно присваивая служивому высокое воинское звание.

– Лейтенант, – поправил меня гаишник.

– Товарищ генерал-лейтенант! – учла я поправку. – Окажите, пожалуйста, содействие съемочной группе «Крим-инфо»!

Инспектор посмотрел на меня особенно внимательно. Очевидно, он понял, что спорить со мной – себе дороже будет, поэтому безропотно согласился на новое воинское звание.

– Вы, конечно, знаете, что на дорогах города и края планируется провести акцию «Женщина за рулем»? – спросила я с таким нажимом, что мой «генерал-лейтенант от автоинспекции» не посмел возразить. – Наши телезрительницы-во-

дительницы беспокоятся, будут ли сотрудники ГИБДД с ними вежливы и корректны. Сами понимаете, мы, женщины, существа ранимые, нежные, нас так легко обидеть...

Вадик, азартно сопящий за моим плечом, громко хмыкнул. Я быстро развернулась, для устрашения произвела в оператора холостой выстрел глазами и снова обратилась к инспектору.

– Будьте любезны, помогите нам! Мы хотим снять образцово-показательную беседу инспектора с женщиной за рулем. Вот, кстати, симпатичная барышня на «Вольво» катит. Давайте, остановите ее!

«Генерал-лейтенант» послушно свистнул и взмахнул полосатым жезлом. «Вольво» неохотно затормозила.

– Она же ничего не нарушила, – удивился Вадик.

– Поэтому беседа будет сугубо профилактической, – быстро ответила я, раздраженная несообразительностью своего напарника. – Ну, генерал, что же вы стоите? Проверьте у дамы права. Вадик, снимай все, что будет!

– Ага, значит, что-то будет? – догадался наконец тупица с камерой.

– Надеюсь, – сквозь зубы процедила я, в обход инспектора, закрывшего меня своей спиной, продвигаясь поближе к «Вольво».

Мой план был абсолютно прост: вынудив мадам Рогову остановиться, подобраться к ней вплотную и под дулом... то есть под объективом камеры, вырвать хоть какую-то инфор-

мацию о скандальном ЧП с Носорогом.

Мне удалось незаметно подойти к машине.

– Заходи слева! – заметив, что я готова атаковать, нарушил режим молчания Вадик.

С радиомикрофоном наперевес я прыгнула к открытому окошку, за которым виднелось красивое лицо женщины, откровенно досаждующей на помеху, правым плечом вытолкнула из кадра инспектора и громко спросила:

– Елена, что вам известно о преступлении, по подозрению в совершении которого задержан Никита Рогов?

Наверное, надо было спросить проще: «Ваш муж арестован за убийство. Что скажете?» Но ведь Рогова не арестовали, а только задержали, и обвинение ему еще не предъявили... Стремление соблюсти корректность формулировки сыграло со мной злую шутку. Пока я выговаривала навороченное сложноподчиненное предложение, мадам Рогова успела поменять раздраженное лицо на откровенно злое и рвануть «Вольво» с места в карьер. Я едва успела посторониться, чтобы меня не зацепило, баба в машине стартовала, как Шумахер. Повисни я на боковом зеркальце – прокатилась бы с ветерком! Участь свадебного пупса не казалась мне завидной.

– Без комментариев! – громко сказал Вадик, опуская камеру.

Сзади посигналили: оказывается, Саша пристроил нашу «шестерку» на обочине в хвост к «Вольво». Но иномарка

умчалась, а «жигуленок» остался.

– Погоня будет или как? – высунувшись в окошко, спросил наш водитель.

– Или как, – ответила я, не слишком огорченная провалом операции «Папарацци».

Ну и что, что Рогова ни слова не сказала? Ее реакция на мой вопрос – тоже ответ, и весьма показательный. В переводе с автомобильно-хулиганского на русский разговорный он означает примерно следующее: «Я кое-что знаю, но рассказывать не хочу!» Думаю, эффектное бегство дамочки от съемочной группы очень украсит наш репортаж.

– Ежики сушеные! – озадаченно выругался «генерал-лейтенант». – У меня же остались ее права!

Саша из-за плеча инспектора направил объектив камеры на документ. Я удовлетворенно кивнула.

– Что же это получается? Получается, что я забрал права у водителя, который ничего не нарушил?! – на диво совестливый инспектор продолжал заниматься самоедством.

– Не парься, командир, глянь: она через сплошную поперла! – подсказал наш Саша.

Инспектор посмотрел вслед «Вольво» и просветлел лицом.

– Уходим, – шепнула я Вадику и быстро полезла в нашу машину.

Пока инспектор мечтательно смотрел вслед исчезающей в потоке автомобилей машине нарушительницы, наш экипаж

задним ходом тихо отполз от поста и нырнул в ближайший поворот.

Через полчаса мы были на студии. Погнав Вадика в ларек за булками к чаю, я угнездилась за своим столом и вперила тяжелый взгляд в клавиатуру компьютера.

Написать текст к репортажу оказалось непростым делом. Кое-что мне удалось узнать от знакомого пресс-секретаря УВД города, но, честно говоря, конкретной информации по делу у меня было очень мало, пришлось размазывать по бумаге общие фразы. В результате из репортажа, который должен был выйти в эфир в вечернем выпуске «Крим-инфо», телезрители могли узнать примерно следующее. Известный в городе деятель шоу-бизнеса, владелец телекомпании ТВР Никита Станиславович Рогов, задержан по подозрению в совершении убийства гражданина Сударева Александра Ивановича, 1974 года рождения. Следствие, представители которого не желают общаться с журналистами, располагает уликами, о которых не распространяется. Коллеги и подчиненные Рогова взволнованы и беспокоятся о том, не ляжет ли несмываемое пятно на репутацию телекомпании, а супруга задержанного находится в крайне неуравновешенном состоянии и не просто уходит, а буквально удирает от ответов на вопросы о случившемся.

– Фигня-то какая, – вздохнул Вадик, отсмотрев готовый сюжет.

– Фигня редкая, – грустно согласилась я.

– Отличный сюжет, – потирая руки, довольным голосом сказал директор, самолично принимавший работу. – Особенно мне понравилось про несмываемое пятно, которое ляжет на репутацию нашего конкурента. Молодцы, ребята, хорошо поработали!

Мы с Вадиком одинаково скривились, словно съели один лимон на двоих.

– Лен, тебя к телефону! – сообщила, заглянув в монтажную, моя коллега Наташа, едва закрылась дверь за Алексеем Ивановичем.

Я вышла из монтажки и прошла в редакторскую. Разлученная с аппаратом телефонная трубка сиротливо лежала на столе и издавала тоскливые квакающие звуки.

– Алло? – сказала я.

– Почему твоя фамилия записана в журнале нашего дежурного? – не здороваясь, набросился на меня Лазарчук.

– Потому что ваш дежурный добросовестно выполняет свои обязанности, – пожалала я плечами, но Серега, конечно, не мог этого видеть. – Он пропустил меня только после того, как созвонился с начальством, проверил мои документы и сделал соответствующую запись в журнале. А почему ты, собственно, спрашиваешь? И чем ты недоволен? Я не просто так шаталась по вашему учреждению, а выполняла задание своего руководства – собирала материал для репортажа.

– Какого репортажа? – не отставал Лазарчук.

– Вот уж не думала, что ты мой фанат! – съязвила я. – Сереженька, если тебе обязательно надо быть в курсе моей журналистской работы, смотри нашу программу новостей. А мой дежурный репортаж выйдет нынче вечером в «Крим-инфо».

– Я спрашиваю, о чем репортаж?! – невоспитанный капитан буквально заорал на меня.

– Вот это, я понимаю, информационный голод! – не дрогнув, воскликнула я. – Ладно, скажу: репортаж о скандале вокруг Никиты Рогова, которого вы задержали по подозрению в совершении убийства гражданина Судакова. Или Суднова? Не помню.

– Сударева, – почти спокойно поправил Лазарчук. – Так я и знал: ты снова вляпалась!

– Эй, попрошу выбирать выражения! – Я почувствовала, что начинаю злиться. – Куда это я вляпалась?

– Куда-куда... В горячий шоколад! Как, задницу еще не припекает?

– Лазарчук, говори толком, чего ты на меня орешь? Что я такого сделала? Проводила обычное журналистское расследование... Кстати, ничего особенного не выяснила, никаких жареных фактов. Чего ты раскипятился, как чайник?

Подтверждая аналогию с чайником, капитан издал долгий вздох, переходящий в тоскливый свист, и почти нежно спросил меня:

– Елена, ты дура или притворяешься? По делу Рогова тебе

нельзя проводить расследование, ни журналистское, ни какое-либо другое! Ты же уже проходишь по этому самому делу свидетелем!

– Каким еще свидетелем?! – изумилась я. – Ты сам дурак!

– Сам тоже дурак, – неожиданно согласился капитан. – Надо было сразу тебя предупредить. Еще утром, как только ты вызвонила нас с Петькой.

– Минуточку! – Я энергично потерла лоб свободной от телефонной трубки рукой и слегка разогнала туман в мозгах. – Серега, погоди-ка... Свидетелем я могу проходить только по делу об убийстве Алика Дыркина. Ты хочешь сказать, что это дело как-то связано с роговским?

– Это одно и то же дело, тупица! – гаркнул сыщик.

– Сам тупица! – крикнула я в ответ. – При чем тут Алик Дыркин?

– Да при том, что твой Алик Дыркин и Александр Сударев – одно и то же лицо!

– Как это может быть? – опешила я.

– Вот балда-то! – посетовал Лазарчук. – Ты своего соседа давно знаешь? Он сам тебе представился Аликом Дыркиным?

– Мы в нашей нынешней квартире второй год живем, и Алика я знаю с тех самых пор, как мы туда въехали, – ответила я. – Он нам вещи помогал в дом заносить. Хороший сосед был, отзывчивый. А что он Дыркин был, так это тебе все жильцы скажут. Старики Крутиковы, например, они Алика

еще мальчишкой знали.

– Мальчишкой он действительно был Дыркиным, – согласился Лазарчук. – А полгода назад поменял документы и взял фамилию матери. А она Сударева была. Что до имени Алик, то это, как я понимаю, просто сокращенное производное от полного: Александр.

– Дыркин поменял фамилию? – повторила я. – Зачем?

– А я откуда знаю? – наверное, теперь плечами пожал капитан. – Может, жениться собирался? Сама понимаешь, не каждая девушка захочет быть Дыркиной. Фамилия не особенно благозвучная.

– Ага, – тупо сказала я. – Угу. Теперь поняла. Значит, Дыркин – это и есть Сударев. И получается, что... Эге!

– Вижу, дошло, – проворчал Лазарчук. – Теперь, подруга, ты понимаешь, что в данном случае не имеешь морального права выступать в качестве независимого журналиста? Понимаешь, молодец. Так что беги к своему начальству и бери самоотвод.

– Бегу, – ответила я, роняя трубку.

Прорваться в кабинет директора с разбегу не удалось – в приемной была небольшая очередь. Первым стоял режиссер Слава, по встрепанному виду которого было ясно, что дело у него совершенно неотложное. Слава нетерпеливо переминался с ноги на ногу, страдальчески морщился, томно вздыхал и даже скреб ногтем филенку двери.

– Славик, ты не перепутал двери? – на всякий случай по-

интересовалась я. – Туалет ниже этажом.

– Туалет у нас всюду! – Слава взорвался, как китайская хлопушка. – Основной продукт, который мы производим, – это дерьмо! Мы гадим на нашего телезрителя с экрана, мы выливаем на него фекалии, не оставляя ни единой возможности глотнуть свежего воздуха!

– Славину программу с прямой местного балета сняли с эфира, чтобы поставить рекламную передачу «Мир сантехники», – пояснил мне Аслан Буряк, полубоком взгромоздившийся на стол секретарши.

Одним выпуклым черным глазом Ослик ИО подмигивал офисной барышне, а другим бдительно следил, как бы кто не пробился к шефу вне очереди.

– Аслан! – обрадовалась я, тут же придумав, как разрулить сложившуюся ситуацию. – Хочешь сенсационный материал?

Оба глаза Ослика испытующе вперились в меня.

– То ночное ЧП в моем доме, о котором ты делал репортаж, получило неожиданное и скандальное продолжение. Утром одного из жильцов нашего подъезда нашли в своей квартире зверски убитым. У тебя на пленке этот парень снят живым-живехоньким, в обнимку с подружкой...

Я замолчала, собираясь с мыслями, чтобы подать информацию как можно более увлекательно. Мне нужно было, чтобы амбициозный Буряк сам запросился заменить меня на ответственном задании.

– Продолжай, мне интересно, – тут же сказал Ослик.

– Еще бы не интересно! Покойник был редким бабником, и сыщики полагают, что его убил муж одной из его любовниц. Знаешь, как убил? Горло перерезал, едва голову не отхватил!

– Минуточку! Ты хочешь сказать, что твоего соседа-бабника грохнул Носорог?! – сообразил Аслан. – Упасть – не встать!

Я глубоко кивнула.

В полном восторге от собственной догадливости, Буряк хлопнул себя по коленкам и свалился со стола.

– Упал, – прокомментировал Славик, улыбнувшись краем рта.

– Но встал! – откликнулся Алик, подпрыгнув, как ванька-встанька.

– По заданию Алексея Ивановича мы с Вадиком уже сделали небольшой репортаж, но я решила, что должна отдать материал тебе. По праву первооткрывателя это алмазное месторождение – твое.

– Это честно, – важно изрек Ослик ИО.

Слава скептически вздернул бровь и вполголоса спросил меня с интонацией, близкой к утвердительной:

– Что, не хочешь мараться в дерьме?

– Кому дерьмо, а кому и золотая жила, – философски заметила я, кивнув на Ослика.

– Кто журналист, а кто золотарь! – язвительно подхватил Слава.

– Послушай, может быть, ты уже сменишь ассоциативный ряд, и мы закроем тему ассенизации? – попросила я, опасаясь, что Ослик в данном контексте откажется от моего щедрого подарка.

Отделаться от журналистского расследования, навязанного начальством, для меня могло быть жизненно важно. Лазарчук зря ворчать не станет, и, поразмыслив, я перестала обижаться на него за выволочку. Ясно же, что приятель-сыщик беспокоится обо мне.

Ох, а не грозит ли мне реальная опасность? Сразу я об этом как-то не подумала. Но ведь не только я видела убийцу Алика-Александра Дыркина-Сударева, он меня тоже видел! И что у нас получается? Мамочка! У нас получается, что я не просто свидетель по делу: я свидетель, от которого имеет смысл избавиться!

Я задумалась и прозевала момент, когда дверь директорского кабинета открылась и в приемную, тихо переговариваясь, вышли бухгалтер и кассир. В щель закрывающейся двери тут же ужом ввинтился Ослик ИО.

– Куда без очереди?! – взревел режиссер.

Поздно: дверь уже закрылась.

– Вот какашка, – заглазно обругал Слава бессовестного Буряка.

– Тебя прямо переклинило, – посетовала я.

– А что, скажешь, он это не... не удобрение? – Слава кивнул на дверь.

– Удобрение, – покосившись на секретаршу, которую чары кокетливого Ослика не оставили равнодушной, шепнула я в ответ. – Но ты же знаешь, что удобрения приносят пользу.

– И воняют, – буркнул Слава.

Дверь снова скрипнула. В приемную выскочил Буряк, проявляющий поразительное проворство.

– Все, я договорился, что забираю твой материал, – радостно сообщил он мне. – Шеф санкционировал обмен: мне – твое задание, тебе – мое.

– А какое у тебя задание? – насторожилась я.

– Тоже репортаж в «Крим-инфо», – легко отмахнулся Ослик. – Какой-то любитель экстрима только что попал под трамвай. Говорят, задавило парня к чертовой матери, не труп – а мясная нарезка.

– Ой, боженьки! – ахнула я. – Миленькое заданьице я себе выменяла! Хрен редьки не слаще!

Режиссер Слава, успевший взяться за ручку директорской двери, демонически захохотал и назидательно изрек:

– Круговорот дерьма в природе!

И на сей раз я не стала с ним спорить. Зато Вадик ворчал, не переставая: и когда собирался на съемку, и в машине по дороге к месту трагедии.

– Я вам кто, служебная собака?! – кипятился оператор. – Ночь провел в компании ментов и спасателей, ждал взрыва бомбы. С утра пораньше шлялся по ментовским коридорам, потом гонялся за женой убийцы, а теперь еще трамвайного

змурика снимать... А я, между прочим, успел пообедать! Мне кровавые сцены на сытый желудок вредны!

– А я и натошак их с трудом перевариваю, – буркнула я, опасливо выглядывая в окошко автомобиля.

Мы уже прибыли на место, и добросовестный Саша старался подогнать машину максимально близко к месту действия. Я искренне опасалась, что наступлю в лужу крови, едва открою дверцу.

– Да не вибрируй ты, – с досадой сказал мне Вадик, заметив и правильно оценив мою нерешительность. – С жертвой я сам разберусь, а ты давай, топай в народ. Кого мы там трясти будем?

«Трясти» – это в переводе с операторского значит «интервьюировать».

– Директор спортивного клуба «Экстрим» вызвался добровольцем, – отозвалась я, послушно высматривая в толпе знакомого персонажа.

– Севка, что ли? – хмыкнул Вадик, вылезая из машины. – Небось сам и позвонил, да?

Севастьян Лосев, директор клуба «Экстрим», – весьма колоритная фигура. Долговязый жилистый парень с острым носом и прической «под горшок». Руки у Севы непропорционально длинные, большие ладони, похожие на снегоуборочные лопаты, свисают до колен. Сами же колени полусогнуты и легко пружинят в суставах, так что Сева похож на поджарую обезьяну, которая готова в любую секунду сигануть

с земли на ветку и умчаться, отчаянно гикая, по вершинам деревьев.

Вадик как-то попробовал себя в горнолыжном спорте, и, хотя его первым и единственным достижением стал закрытый перелом левого голеностопа, наш оператор узнал много нового и интересного о жизни и быте лыжников и «досочников». Так вот, Вадик утверждает, что Лосев в кроссовках по асфальту норовит перемещаться в стойке, характерной для опытного сноубордиста, которые сами себя называют «бандерлогами», что оправдывает сходство с вертялыми приматами. Впрочем, Сева – личность мыслящая, высокоинтеллектуальная. Он отчетливо тяготеет к буддизму и прошлым летом заманил целую толпу друзей-приятелей на горное плато, чтобы увидеть какой-то невероятный кармически-очищающий-энергетически-насыщающий восход солнца. Я тоже была в числе приглашенных посмотреть это душеспасительное зрелище – и до сих пор не могу простить Лосеву сбитых в кровь ног и отмороженной на заиндевелых камнях пятой точки...

Забыла сказать, что волосы у Севы рыжие, как проволока в обмотке конденсатора, глаза зеленые, а рот длинный и легко растягивающийся в улыбке, по размеру и форме совпадающей с арбузной долькой. В сочетании со свободными одеждами и вязаной шапочкой это делает Лосева похожим не только на орангутанга, но и на ярмарочного Петрушку. Обычно при виде Севы люди начинают непроизвольно улы-

баться.

Сегодня был другой случай. Во-первых, ситуация явно не располагала к веселью. Во-вторых, Сева специально для интервью приделся нехарактерным образом – в классический пиджак. Похоже, пиджак был с чужого плеча. Во всяком случае, белая Севина футболка оказалась длиннее пиджака, с которым плохо сочетались просторные парусиновые бермуды и дегенеративные летние кроссовки без пяток и носков, но зато с перепоночками, как на детских босоножках.

– Снимайте от пояса и выше, – попросил Лосев, заметив, что я критично рассматриваю его карнавальный костюм.

– Можно и выше, – покладисто сказал Вадик. – Ну, я готов. Вещай!

– Микрофон я тебе не отдам. Ты будешь им дергать, а это не лыжная палка, – предупредила я Севу. – Все, я держу, можешь начинать.

– К-г-х-м! – Для начала Лосев кашлянул так громко, что Вадик, внимательно следящий за индикатором уровня звука, болезненно поморщился. – Кх-ха!

– А теперь по существу, – попросила я, стараясь смотреть только на интервьюируемого.

Оператор выставил камеру таким образом, чтобы на заднем плане за Лосевым были видны трамвайные пути, красно-черная лужа и нечто, накрытое просторным отрезом брезента. Поскольку я вынуждена была стоять к Севе лицом, эта жуткая картинка была у меня перед глазами. Честно говоря,

я испытывала сильное желание зажмуриться.

– А по существу я хочу официально заявить следующее: в нашем городе появились неорганизованные любители опасных трюков и глупых развлечений, которые ведут к трагедиям, подобным той, которая произошла сегодня, – глядя прямо в объектив, строго сказал Лосев. – Мы, члены спортивного клуба «Экстрим», осуждаем дикие выходки безответственных личностей, которые не дорожат своей жизнью и душевным покоем окружающих! Все.

– Программное заявление – и только? – немного удивилась я. – А прокомментировать случившееся ты не хочешь?

– А что тут комментировать? – пожал плечами предводитель организованных бандерлогов. – Ладно, отрежете, если я скажу чего лишнего. Значит, так: какой-то придурок, которому было скучно жить, залез в люк и по системе подземных коммуникаций прошел в тоннель. Там тоже есть люк, который соорудили для улучшения водостока, чтобы в дождь не заливало рельсы.

– Все равно заливает, – буркнул Вадик, который вынужден дважды в день пользоваться именно этой трамвайной веткой.

– Да я не об этом! – досадливо махнул снегоуборочной ладонью Лосев. – Этот люк – здоровенный прямоугольный колодец – был накрыт металлической решеткой, а веселые сволочи, называющие себя диггерами, ее скovyрнули.

– Зачем? – удивилась я.

– Затем, что придумали себе адреналиновую бомбу! Представь: вылезает придурок из люка посреди тоннеля. Справа – рельса, слева – рельса, прямо в лоб под уклон несется трамвай! Фары горят, звонки звенят, за стеклом – вагоновожатая с перекошенной от ужаса мордой... Тормоза скрежещут, пассажиры в вагоне валятся друг на друга, а наш безмозглый затейник прыгает и буквально перед носом у летящего трамвая заскакивает в нишу!

– Какую нишу? – не понял Вадик.

– В такую – вроде могилки, только вертикальной. Примерно два метра в длину, метр в ширину, глубиной сантиметров семьдесят, – добросовестно перечислил Сева. – В общем, вполне достаточно, чтобы спрятаться и без вреда для организма пропустить транспорт мимо.

– Ничего себе! – поежилась я.

– А что потом? – с интересом спросил Вадик.

– А потом, не дожидаясь, пока прибежит вагоновожатая с монтировкой, придурок снова шмыгает в колодец и маршрутирует на исходную позицию, по самую маковку налитый адреналином, – злобно ответил Сева.

Он сплюнул себе под ноги, тут же извинился и оглянулся на тоннель.

– Вот только этому конкретному любителю дебильного экстрима не повезло, – закончил он. – Из люка-то он вылез, а вот в нишу не попал... Один – ноль в пользу трамвая.

Мы немного помолчали.

– Ну, я камеру выключаю? – спросил Вадик. – Сева, с тобой все?

– Все, – устало кивнул Лосев.

– Тогда я побегу делать подсьемки, – заторопился оператор.

– Только не слишком увлекайся крупными планами, – попросила я. – Особенно, если будешь снимать что-нибудь страшное. Я не хочу, чтобы наш репортаж смотрелся как ужастик.

Я и сама потом очень постаралась, чтобы наш с Вадиком репортаж об этой трагедии не пугал зрителей, а звучал как серьезное предупреждение беспечным любителям опасных развлечений. Раза три я переписывала текст, вымарывая фразу за фразой, расставляя акценты и добиваясь желаемой интонации, пока не сочла, что результат меня устраивает. Распечатав текст (компьютер, замученный моими филологическими упражнениями, облегченно вздохнул и устало завис), я побежала на монтаж. Было уже начало шестого – самое время заканчивать рабочий день, поскольку в восемнадцать ноль-ноль по московскому времени я должна прийти у нянечки вахту возле Масяньки. Я рассчитывала быстренько смонтировать двухминутный сюжет и убежать домой.

Быстренько не получилось – в аппаратной видеомонтажа засел Ослик ИО. Пока мы с Вадиком снимали ЧП с трамваем, он успел сгонять к СИЗО и наснимать крупных планов зарешеченных окон, которые наш инженер видеомонта-

жа должен был с намеком совместить с фотографиями носорогов. Качественные снимки толстокожих гигантов в фас и в профиль Ослик ИО лично скачал из Интернета.

– Леночек, ты спешишь? – сочувственно спросил сердобольный видеоинженер Володя, когда я в третий раз заглянула в аппаратную.

К этому моменту стрелки моих наручных часов приблизились к половине шестого, а я сама вплотную подошла к той незримой грани, за которой наступает превращение раздраженного хомо сапиенс в разъяренного носорога. Аслана Бурьяка, застрывшего в кабинете у монтажного компьютера, как устрица в раковине, я готова была собственноручно выковырять из кресла и собственнножно растоптать в блинчик.

– Очень, очень спешу! – кивнула я, пригасив зверский блеск в очах и изменив выражение лица, и умильно посмотрела на видеоинженера.

– Давай, ты начитаешь, а сюжет я сам смонтирую, – предложил Володя.

– Давай! – обрадовавшись, я влетела в помещение и чуть ли не бухнулась на колени Ослику ИО.

Тот едва успел выбраться из кресла, уступая мне место у микрофона.

Спустя всего пять минут я уже бежала вниз по лестнице, торопясь покинуть офис.

– Леночка, ты домой? – свесившись через перила, крикнула мне вслед бухгалтерша Елена.

– Да, а что? – Я приостановилась.

Бухгалтер – человек нужный, с ним никак нельзя ссориться, к нему следует проявлять всевозможное внимание и уважение.

– Ты, когда домой едешь, на какой остановке выходишь? На Парке?

– Почти. Через одну, а что? – Я балансировала на ступеньке.

– Ленусечка, будь другом, выйди сегодня на Парке, а? – попросила Елена.

Я поняла, что выбор у меня небольшой: либо стать бухгалтерше другом, либо врагом.

– Ладно. А что надо-то? – вздохнув, я развернулась и поплелась наверх.

– Надо забежать в офис к Горохову и отдать ему денежки. Вот, я их в бумажечку завернула, – Елена вручила мне самодельный конвертик. – Это его проценты с «Гиганта».

– Расписаться не нужно? – повертев «барашка в бумажке» в руках, я сунула передачку в сумку.

– Нет, что ты, это же левые денежки! – испугалась бухгалтерша.

– Левые так левые, – пробормотала я, уже спускаясь по ступенькам.

– Ты скажи ему, что в «Гиганте» меняется директор. Может, имеет смысл предложить сделать новую рекламу? – сказала мне вдогонку бухгалтерша, живо озабоченная ростом

доходной части бюджета нашей компании.

Я молча кивнула и поскакала вниз по лестнице. Уже в трамвае глянула на часы: без четверти шесть! С учетом необходимости сделать крюк и забежать в офис к Горохову получилось, что к восемнадцатичасовой смене караула я опоздаю. Придется платить няне за сверхурочную работу.

Стремясь свести финансовые потери к минимуму, на Парковой я выпрыгнула с задней площадки вагона почти как пловец с тумбочки и погребла в сторону гороховского офиса, точно олимпиец, идущий на рекорд.

Вовка Горохов, мой бывший коллега-тележурналист, редкий проныра и деляга, с полгода назад переквалифицировался в частные детективы. Трансформация прошла естественно и безболезненно, потому что Вовка и раньше по долгу службы постоянно пребывал в беготне, правдами и неправдами добывая информацию разной степени секретности: выспрашивал, высматривал, подслушивал и приводил нарытые факты в систему – в общем, занимался журналистскими расследованиями. Превратившись в частного сыщика, Вовка сохранил все контакты со СМИ. Даже, по случаю, таскал на ТВ рекламу, и презентацию его так называемого офиса наш телеканал проводил бесплатно, по-товарищески.

Строго говоря, «офис» – это слишком сильно сказано. Под помещение для своей лично-персональной сыскной конторы Горохов купил комнату в коммуналке, расположенной на первом этаже старого купеческого дома, и официаль-

но перевел ее из жилого помещения в нежилое. Вообще говоря, жилым помещением каморка площадью девять квадратных метров и без окна и прежде, наверное, не являлась. Думаю, это была поместительная купеческая кладовка. Вовка пробил стену и поставил металлопластиковую дверь с затемненными стеклами, а под дверью пристроил крыльцо. Теперь у «офиса» был отдельный вход, что сам сыщик считал большим преимуществом: мол, клиентам нет необходимости следовать через общий подъезд, и, стало быть, они избавлены от лишних контактов. С учетом того, что припарковаться возле гороховского офиса было негде, секретность и впрямь получалась максимальная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.